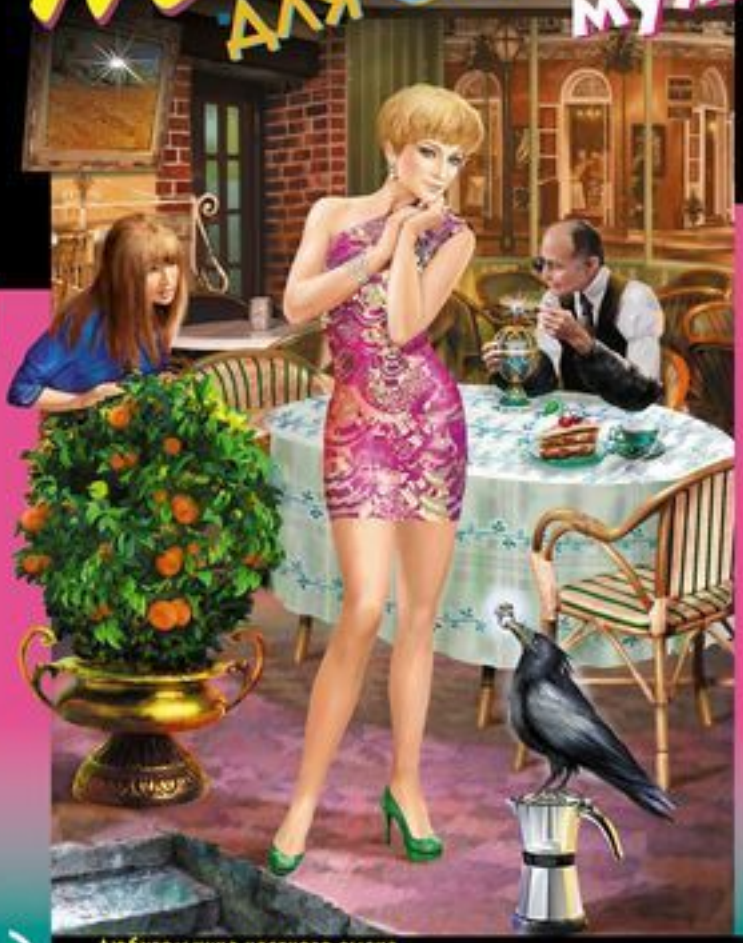
www.dontsova.ru

Дарья Донцова

Тормоза для блудного мужа



Любительница частного сыска
Даша Васильева

Эксмо

Любительница частного сыска Даша Васильева

Дарья Донцова

Тормоза для блудного мужа

«Эксмо»
2011

Донцова Д. А.

Тормоза для блудного мужа / Д. А. Донцова — «Эксмо», 2011 — (Любительница частного сыска Даша Васильева)

ISBN 978-5-699-47205-5

О чем только думала Даша Васильева, соглашаясь стать ведущей телешоу «Истории Айболита»? Съемки оказались натуральным дурдомом на выезде! Хорошо хоть герои не подставные: бизнес-леди Вера Орлова очнулась от комы и согласилась принять участие в передаче. Из-за разгоревшегося в студии скандала запись шоу сорвалась, а на следующий день Орлова исчезла, словно самолет-невидимка! Безутешный муж Константин заявил: жену похитили и требуют миллион долларов. Но, кажется, Вера просто сбежала, не желая больше содержать бездельника. Накануне Орлова пожаловалась любительнице частного сыска: после комы она вспомнила далеко не все. Осталось понять, какие страшные тайны бизнес-леди предпочла забыть! Тогда Даша найдет ее, а значит, спасет шоу и станет телезвездой!

ISBN 978-5-699-47205-5

© Донцова Д. А., 2011
© Эксмо, 2011

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 14
Глава 4 20
Глава 5 24
Глава 6 29
Глава 7 34
Глава 8 39
Глава 9 44
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Дарья Донцова
Тормоза для блудного мужа

Глава 1

– Лучший друг мужчины – свекровь его тещи. Ох, как вам повезло, если у матери вашей жены много родственников со стороны мужа, например, есть еще золовка. Та тоже может стать вам другом. Во время семейных праздников не игнорируйте стариков, не старайтесь сбежать, когда они в сто семьдесят пятый раз начинают рассказывать, как в одна тысяча лохматом году отправили своего Коленьку, вашего нынешнего тестя, лечить зубы, а мальчик в недобрый час встретил в кабинете стоматолога медсестру и, несмотря на то что родители предупредили наивного парня: «Николаша, посмотри на девку внимательно, ни кожи, ни рожи, ни денег, ни квартиры, ни работы приличной, немедленно брось голодранку», взял да и отвел страхолюдку-хамку-грубиянку в загс. И мучается с ней вот уже двадцать пять лет!

Нет, не отворачивайтесь от них. Слушайте. Поддакивайте. Поздравляйте родителей тестя с праздниками, возите их на фазенду, с улыбкой запихивайте в свою новенькую, купленную в кредит иномарку грязные ящики с рассадой, гладьте облезлую кошку его мамаши, осыпайте комплиментами ее дочь – и будете вознаграждены: вас примут в стаю врагов вашей тещи. Еще Ленин писал, что бороться за свое счастье в одиночку не получится, шагать к светлому будущему надо в коллективе! Начнет теща нападать на вас, вы пожалуетесь ее свекрови – и можете быть спокойны…

– Стоп! – заорал с потолка въедливый голос. – Гримера на площадку! Попудрите героиню, она блестит!

Я пошевелила лопатками, пытаясь отклеить от спины прилипшее шелковое платье, и стала наблюдать, как девушка в джинсах осыпает пудрой лицо толстой тетки в красной мохеровой кофте. Интересно, где она откопала сей наряд? В последний раз я видела подобный лет тридцать назад, они тогда были на пике моды.

В моем ухе послышался щелчок, потом прогремел баритон:

– Дарья! Ты забыла свою реплику!

– Прости, – расстроенно сказала я.

– Ничего, – смилостивился голос в ухе. – Внимание на суфлера, не тормози. Соберись!

– Извини, – пробормотала я.

– Все устали, – сказал невидимый собеседник, – сейчас через стоп повторим и перерыв.

Я кивнула и машинально улыбнулась. Сидящий рядом в кресле мужчина, облаченный в белый халат, поправил на шее стетоскоп и с участием спросил:

– Опять голоса терзают? Как ваше самочувствие?

– Спасибо, отлично, – ответила я. Абсолютно не хотелось сообщать доктору правду: мне жарко, душно, хочется есть, пить, а главное – я испытываю навязчивое желание достать из уха того, кто там поселился, и растоптать его каблуком. Кстати, о туфлях! Ненавижу шпильки, а ведь сейчас на мне лодочки на высоком каблуке.

– Не нервничай, – посоветовал врач, – сделай дыхательные упражнения, полегчает.

Я продолжала сидеть с намертво приклеенной к губам улыбкой, ожидая, когда в ухе оживет голос и будет командовать.

– Начали, – заорал баритон. – Даша, твоя реплика. Проснись и пой.

Наверное, пора объяснить, что происходит, успокоить тех, кто решил, что Даша Васильева заболела и находится в сумасшедшем доме. Я не потеряла рассудок, хотя не могу гарантировать, что в ближайшее время этого не случится. Я оккупировала кресло не в Кащенко,

а в телецентре. Хотя положа руку на сердце могу сказать: место, где снимают шоу, чтобы потом транслировать его в эфире, мало чем отличается от дурдома. Хотя нет, в психушке имеются врачи, лекарства, санитары. Медики пытаются помочь несчастным, у которых помутилось сознание, а на телевидении добрых докторов нет, тут все перевернуто с ног на голову и никого это не удивляет. Если вы увидите в длинных коридорах здания, где расположены студии, мужчину или женщину, которые, размахивая руками, беседуют сами с собой, возмущаются, обижаются, спорят с невидимым собеседником, то не торопитесь вызывать «Скорую помощь». Вы просто столкнулись с ведущим какой-то программы, который получает трепку от режиссера через «ухо» – небольшой передатчик размером с ноготь указательного пальца. Круглая пупочка вставляется непосредственно в слуховой проход, и человек слышит «голос». Если при входе в студию вы наткнетесь на парня, который задрал какой-то женщине юбку, не кидайтесь к охране. Молодой человек – звукооператор, он вешает на участницу программы аппаратуру, которая будет записывать ее речь. Непосредственно на съемочной площадке вы увидите потного, взлохмаченного мужчину, безостановочно вопящего:

– Эй, поворачивай седьмой налево, пятый направо от девятого на двенадцатый и направь свет на Машу.

Один из прожекторов повернется и озарит стол, за которым сидит парень с трехдневной щетиной.

– Маша, хорошо? – завопит мужик. – Маша, подай стул влево!

Небритый парень покорно передвинет стул и спросит:

– Маша сидит правильно?

Нет, нет, все в порядке, это ставят свет, а чтобы зря не утомлять ведущую, вместо нее посадили кого-то из рабочих.

А вон там в углу группа постоянно дымящих сигаретами, пьющих кофе и энергетические напитки людей. Знакомьтесь: перед вами режиссер, его помощники и сценарист. Даже не пытайтесь понять смысл их разговоров. Фразы типа:

– Убей Машу на пятой минуте, пусть она кивает, а остальные делают ладушки вместе с крокодилами, и не забудьте пригнать кран без стопа, иначе великий и ужасный нас всех за отсутствие лайфа...! – поставят вас в тупик и могут даже испугать.

И, пожалуйста, не считайте самым главным на площадке вон того сорокалетнего мужчину, обвешанного сотовыми телефонами и жонглирующего рациями. Пусть вас не обманут его дорогие часы, ботинки из кожи оленя, рубашка из последней коллекции Армани и аромат дорогого парфюма. Роскошный мачо – двадцать пятый ассистент, он подчиняется приказам, звучащим из тех самых раций и сотовых. Хозяйка этого балагана – тетка неопределенного возраста в мятой блузке и грязных джинсах. На лице у нее нет ни грамма макияжа, про маникюр дама позабыла, волосы стянула в хвост, ноги всунула в разношенные тапки, давным-давно забила на себя, потому что озабочена массой проблем: красивым кадром, четким звуком, правильным текстом, реакцией героев, зрителей, поведением ведущего, рейтингом программы и местом в сетке.

– Ведущие свободны! – донеслось сверху. – Перерыв десять минут. Переодевайтесь на следующую съемку.

Я встала с кресла. Тут же подошел Стас, задрал мне блузку, расстегнул намотанный на талии бандаж с двумя коробочками размером с сигаретные пачки, отстегнул микрофон от воротника блузки и дернул скотч, приклеенный к моему левому уху. Я взвизгнула.

– Прости, – вздохнул звукооператор. – Я не хотел, волосы прилипли.

– Ерунда, – сказала я.

– Здорово свекровь тещи героя свою невестку уконтрапупила, – захихикал Стас. – Эк она ее размазала. Круто сказанула: «Не корчи тут из себя врача, я отлично помню, как ты институт на хилые тройки закончила! Все гуляла, пока моего сына не увидела. Нечего тебе на

всю страну опытным врачом прикидываться! Выслушай людей! Язва желудка лечится исключительно керосином, а не таблетками. Лекарства – отрава!»

Стас заржал и ушел, я с наслаждением потянулась. Шоу, которое мы снимаем, называется «Истории Айболита». Строится оно не самым оригинальным образом. В центре действа – два гостя: простой человек, которому удалось при помощи методов народной медицины избавиться от болезни или вредной привычки, и звезда шоу-бизнеса, политик, писатель, некий селебритис с аналогичной проблемой. Он обращается к профессиональным медикам и называет целителей без диплома шарлатанами. Ведущие программы и зрители выслушивают обе стороны, а потом делятся впечатлением.

Вот сейчас мы снимали сюжет про Николая, страдавшего язвой желудка. Его теща Люда, врач по образованию, пыталась лечить зятя таблетками. У Люды есть свекровь, Анна Семеновна, которая явилась в студию и с негодованием сказала невестке:

– Ты дура, училась на одни тройки! Решила угробить своего зятя? Мало тебе моего сына, принялась за мужа дочери? От язвы спасает лишь настойка чеснока на керосине.

За пять минут свекровь тещи Николая расправилась с ней, чем, похоже, доставила огромное удовольствие язвеннику. Он просто расцвел, слушая Анну Семеновну.

Я осторожно пошла вперед, переступая через шнуры и кабели, змеящиеся по полу. Несколько дней назад я споткнулась о провода и чуть не упала. Спасибо Диме, врачу, второму ведущему шоу, он успел меня подхватить. Вас удивляет рецепт лечения язвы, озвученный Анной Семеновной? Чеснок и керосин? А вот меня после месяца съемок – уже нет. Я теперь знаю, что эти два ингредиента – основные составляющие почти всех волшебных народных средств. Чеснок едят сырым, варят, парят, жарят, тушат, запекают, прикладывают ко всем больным местам, используют как противозачаточное, омолаживающее, способствующее долголетию средство, настаивают на спирту, водке, заваривают с чаем, давят из него сок и закапывают в нос, посыпают живот, если он болит, превращают в кашицу и накладывают на виски при гангрене ноги. Короче, караул! Создается впечатление, что на дворе двенадцатый век, про антибиотики и противовирусные препараты никто не слышал. Да и зачем идти в аптеку? Хватай чеснок и лечи им шизофрению, грипп, чуму, холеру, оспу, туберкулез и все болезни по справочнику. Круче чеснока только керосин. Это наше все! Никогда не забуду мужика, который, указывая пальцем на свою припудренную лысину – гримеры постарались, – уверял нас:

– Примочка из керосина со зверобоем спасла мои волосы.

Дмитрий не выдержал, забыл про сценарий и выдал не заготовленную, а импровизированную реплику:

– Простите, но у вас их нет, ни одного волоска не видно!

– Сейчас да, – согласился дядька. – Остатки кудрей после натирания волшебным средством выпали, но так и должно быть. Сначала теряем гриву, потом она заново вырастает. Я ощущаю, как под кожей новая поросль пробивается.

Я вошла в тесную комнату и шлепнулась в кресло. Какое отношение я имею к съемкам телепрограммы? Самое непосредственное. Я ведущая.

Некоторое время назад мне позвонили с кабельного канала «Фейерверк»[1] и предложили работу.

– Господи, почему ваш выбор пал именно на меня? – только и смогла я сказать продюсеру Сергею Морозову.

– Приезжайте, пожалуйста, – попросил тот, – я готов встретиться с вами в любом месте.

Я никогда не имела никакого отношения к средствам массовой информации, поэтому была заинтригована и помчалась в ресторан. Сергей рассказал про новое шоу, давно задуманное руководством. Все готово для съемок, но работа не начинается, потому что «великий

[1] Название выдумано автором.

и ужасный», так сотрудники называют владельца телеканала, никак не определится с ведущей. Вести программу должны двое: мужчина-врач и женщина без медицинского образования. Первую кандидатуру, терапевта Дмитрия Ляпикова, утвердили сразу, а вот пара ему никак не подбиралась, все участницы кастинга вызывали у «великого и ужасного» недовольную гримасу на лице. Одна слишком толстая, другая излишне худая, третья молодая, четвертая старая, пятая дура, шестая слишком умная, седьмая блондинка, восьмая брюнетка, девятая замужем, десятая в разводе... В конце концов бедный Сергей приуныл. К тому же хозяин поставил перед ним задачу, выполнить которую Морозову показалось вообще невозможно:

– Не хочу звезду, растиражированную другими каналами, найди не медийное, но популярное лицо с отличной репутацией!

Продюсер еле удержался, чтобы не сказать: «Нельзя быть одновременно овцой и козлом, либо одно, либо другое. Популярных, но не медийных лиц не существует. И яркая звезда на твой «Фейерверк» не пойдет, такие сияют на центральных каналах».

Сергей промолчал и продолжал показывать боссу актрисулек второго плана из сериалов и певиц из девчачьих коллективов третьего эшелона.

Наконец шеф вызвал Морозова в кабинет, сунул ему в руки глянцевый журнал и произнес:

– Хочу вон ту! Снимок в верхнем левом углу.

– Дарья Васильева и ее дочь Мария на премьере фильма по роману Милады Смоляковой, – прочитал Сергей. – Девушка симпатичная, стройная, но она не профессионал, тут написано «студентка».

– Не нужна мне зеленая малина! – остановил его шеф. – Я про старшую говорю.

Сергей опешил, а «великий и ужасный» принялся щелкать мышкой и бубнить, не отрывая взгляда от ноутбука:

– Ни на кого положиться нельзя, все надо делать самому. У Дарьи идеальная фигура, подходящий возраст, она уже не девочка, но еще не бабушка, занимается благотворительностью, хорошо известна журналистам, но не знакома широкой публике. Бывший преподаватель, значит, язык хорошо подвешен. Мать взрослых детей, поэтому не сорвет съемки под предлогом болезни чада. Не замужем, не работает, имеет массу свободного времени, обеспечена. Стопроцентно подходит для ведения нашего шоу. Чтобы завтра она подписала договор, а в понедельник начнем съемки.

Сергей вякнул:

– А если она не согласится?

– Позвездить на экране? – удивился «великий и ужасный». – Я таких не встречал. Все хотят славы.

– А вдруг ей известность по барабану, – гнул свою линию продюсер.

Босс прищурился и стал похож на самаркандскую черепашку.

– Иди работай.

Настроение у Сергея упало окончательно. Всем известно: если шеф превращается в самаркандскую черепашку – жди беды. Сейчас начальник выдаст нечто не очень приятное. «Великий и ужасный» широко улыбнулся.

– Давай поторопись. Да, кстати, пойдешь мимо буфета, обрати внимание на стену, там объявление повесили.

– Какое? – не понял Сергей.

– Взгляни, может, пригодится тебе, если Дарья от шоу откажется, – нежно пропел босс.

Продюсер понесся на первый этаж и увидел листок, пришпиленный рядом с дверью буфета. Напечатанный на нем текст гласил: «На кухню требуется разнорабочий-грузчик».

Глава 2

Сергей умел уговаривать, я согласилась на эту авантюру. Основным побудительным мотивом для превращения в телеведущую стали не мои амбиции, не жажда славы, а желание справиться со своей личной проблемой. Дело в том, что в большом особняке в Ложкине я сейчас живу одна. Аркадий, Маша и Зайка уехали в наш дом в пригороде Парижа. Маруська учится во Франции, Ольга пытается там же прорваться в телезвезды, Кеша открыл адвокатскую контору, куда потоком идут бывшие соотечественники, повздорившие с законом Республики. Вся наша собачья-кошачья стая тоже перебралась на родину трех мушкетеров, туда же отправились домработница Ирка и садовник Иван. Дегтярев переселился к своему сыну Теме[2]. Коттедж Артема стоит неподалеку от нашего. Если мне взбредет в голову попить с Александром Михайловичем чаю, осуществить это очень просто, и в нашем особняке остались спальня и кабинет толстяка. Но, повторяю, каждое утро и вечер мы теперь с полковником не встречаемся. Почему Александр Михайлович удрал с насиженного места? Понимаете, я собралась замуж за пластического хирурга Богдана Емельянова по прозвищу Бурдюк.

Никому из домашних мой избранник не понравился, но никто и глазом не моргнул, когда Бурдюк стал наезжать в Ложкино. Один раз я случайно подслушала разговор, который вели в гостиной члены семьи.

– Хорошо, что мы улетаем в Париж, – заявила Зайка. – Иначе пришлось бы постоянно поддерживать беседы с Бурдюком. Ей-богу, Даша заслуживает лучшего.

– Ради муси всем придется его терпеть, – воскликнула Маня. – Никто не имеет права лишить мамулю личного счастья.

– А я что? – дала задний ход Ольга. – При Даше я цвету, как майская роза, наливаю Бурдючине чай. Но с вами-то могу быть откровенной. Скользкий тип!

– Слишком он ласковый, – вздохнула Машка, – сладкий, как сироп.

– Сладкий, аж гадкий, – высказался Кеша. – Ничего плохого не делает, отпускает комплименты, вроде любит мать, не нищий, с деньгами, хороший хирург, но типичный таракан.

– Он, по-твоему, смахивает на прусака? – удивилась Маня странному сравнению.

– Прусаки безобидные, но ласкать их и звать к себе в гости не хочется, – объяснил Аркадий. – Александр Михайлович, чего молчишь?

– Вы в Париж, а я к Теме, – заявил полковник. – Боюсь, вид Бурдюка в пижаме по утрам плохо повлияет на мою нервную систему. Не хочу мешать молодоженам, исполняя при них роль благородного отца.

Мне следовало насторожиться и подумать: если твоего жениха активно не принимают все домашние, которые никогда не достигают единодушия даже в вопросе, какие круассаны лучше покупать к завтраку, то, может, стоит присмотреться к своему избраннику? Но нет, я ощущала себя любимой и не хотела снимать розовые очки.

За пару дней до объявления официальной помолвки я случайно поймала жениха с другой женщиной. Произошла история, описанная в тысячах анекдотов: госпожа Васильева нежданно-негаданно нагрянула в полночь в квартиру Богдана и застала его в постели с любовницей[3].

Менее всего мне хотелось сообщать родным о малоприятном происшествии. В курсе случившегося оказалась лишь Маруся, которая пообещала держать язык за зубами. Конечно,

---

[2] О том, как полковник обзавелся сыном, рассказано в книге Дарьи Донцовой «Ромео с большой дороги», издательство «Эксмо».

[3] История расставания с Бурдюком описана в книге Дарьи Донцовой «Лебединое озеро Ихтиандра», издательство «Эксмо».

следовало сказать всем: «Знаете, я передумала выходить замуж, разочаровалась в кавалере, поняла: это не мой человек».

Вот только я отлично знала, что произойдет потом. Услышав мое заявление, Зайка моментально забросает меня вопросами: «Почему ты порвала с Бурдюком, что произошло?» В Ольге погиб следователь, она не отстанет, пока не услышит правду. Вам захочется трубить во весь голос об измене любимого? Вы сможете спокойно рассказать о своем моральном унижении? Вот я и решила немного соврать. Пусть Кеша, Зая и Маруська уезжают в Париж, я выжду некоторое время и скажу: «Свадьба отменяется, я пожила с Бурдюком в одном доме, и стало ясно: я не способна связать с ним свою жизнь. Мы не выдержали испытания совместным бытом».

Какие тут вопросы? Огромное количество пар разругалось навсегда, не сумев договориться по поводу зубной пасты и стульчака. Его бесило, что она давит на тюбик у горлышка, а она приходила в негодование, увидев поднятое сиденье на унитазе. Корабль с алыми парусами частенько налетает на рифы бытовых проблем и тут же тонет. Правду о разрыве с Бурдюком знает лишь Маша, но она меня никогда не выдаст. Вот почему я тоскую одна в Ложкине. Впрочем, слово «одна» неверно, я стихийно обзавелась питомцами – собакой неизвестной породы по кличке Афина и вороном Гектором. Не путайте, пожалуйста, его с обычной вороной[4]. Но людей в особняке, кроме меня, сейчас нет.

Нелепое предложение стать телеведущей пришлось как нельзя кстати. Я решила, что меня ждет веселое приключение, и, ни с кем не посоветовавшись, подмахнула договор, предвкушая реакцию домашних. На мой взгляд, жизнь начала складываться позитивным образом. Теперь нежелание выйти замуж за Бурдюка я могу объяснить стремлением звездить на экране. Счастливый брак – помеха успешной телекарьере. Чтобы вскарабкаться на Олимп прайм-тайма, нужно пахать с утра до ночи. Ну какому мужу понравится, что его супруга редко бывает дома? А еще мне хотелось услышать от Зайки, которая давно маячит на российском телеэкране, а сейчас пробивается и на французский: «С ума сойти! Я теперь не единственная знаменитость в семье».

Я рассчитывала увидеть изумление на лице Аркадия, восторг в глазах Маши. И, кстати, зарплата мне совсем не помешает! В предвкушении денег и славы я украсила все страницы договора своим автографом и уже на следующий день очутилась в студии. Продюсер Сергей забыл упомянуть при встрече, что я отныне стану запчастью мясорубки. Нет, неверно. Мне отведена роль фарша, который перемалывает кухонный механизм. Простой зритель даже не догадывается, как трудна и неказиста жизнь звезды телеэкрана. Я марионетка, которой управляет огромное количество людей. Не верите? Думаете, что ведущий на съемочной площадке главный? Вот и я пребывала в этой наивной уверенности до начала работы. Действительность оказалась диаметрально противоположной.

Дверь гримерки распахнулась, влетела веселая Танечка и выдернула меня из грустных размышлений.

– Перечесываемся на новую программу, – застрекотала она, – накладываем грим.

Я покорно кивнула. Шоу еще не показывали в эфире, премьера намечена на апрель. Сейчас февраль, но работа кипит, съемки идут подряд на протяжении десяти дней, потом перерыв на пару суток и опять рывок. Зрителю положено думать, что программа транслируется в прямом эфире, поэтому ведущей постоянно делают другую прическу, переодевают в новую одежду. Моему коллеге Дмитрию намного легче, он врач, всегда сидит в белом халате, да и его «ежик» никак по-иному не оформить. А вот я постоянно попадаю в умелые руки Тани и оказываюсь то кудрявым барашком, то училкой с накладным пучком на затылке, то красоткой

[4] О появлении в Ложкине новых жителей рассказано в книге Дарьи Донцовой «Лебединое озеро Ихтиандра», издательство «Эксмо».

со строгим каре. Из-за ярких прожекторов на площадке, несмотря на мороз за окнами, стоит африканская жара. Поэтому Татьяна накладывает на мое лицо килограммы тонального крема и покрывает щеки, лоб, нос таким же количеством пудры. Макияжа столько, что вечером я его не смываю, а сколупываю.

Гримерка приоткрылась, в комнату, сопя, вошла костюмер Аня.

– Во! – потрясла она вешалкой. – Суперприкид.

Я взглянула на коротенькое платьице с ядовито-розовыми пайетками и спросила:

– Мне ЭТО надевать?

– Угу, – кивнула Аня и грохнула на пол пару темно-зеленых лодочек на каблуках, которые не уступали высотой Эйфелевой башне. Я окинула «котурны» оценивающим взглядом.

– Упаду и сломаю себе шею.

– Ты сидишь в кресле, – возразила Аня, – до площадки дочапаешь в тапках, там нацепишь туфли.

– Платьишко очень короткое, – робко сказала я.

Аня вытащила из кармана колготки.

– Ерунда! Можешь не беспокоиться, картинка получится шикарная. Веселая.

– Пайетки, – заикнулась я, – они...

– Барахло от спонсора! – Аня пресекла мои робкие попытки поспорить. – Олег велел его надеть.

Олег – это режиссер, спорить с ним бесполезно. Вообще-то постановкой шоу занимаются две милые девушки, сестры Тата и Ксюша, они руководят всеми процессами на площадке. Но три дня назад им в спешном порядке велели снимать праздничный вечер одной певицы, а «Истории Айболита» временно передали Олегу, который незамедлительно почуял запах власти и из тихого, вежливого дядечки превратился в деспота. Впрочем, по поводу платья лучше не спорить. Одежду для ведущей бесплатно предоставляет неизвестная мне фирма, которая взамен получает рекламу. В конце каждого шоу на экранах телевизоров непременно возникает бегущая строка «Одежда ведущим предоставлена бутиком «Мисс Пигс»[5]. Поэтому я должна безропотно натянуть «шедевр» китайской швейной промышленности и в образе московской Барби ковылять в студию.

– Тань, прервись на секунду, – попросила Аня, – одень Дашу.

Гримерша отошла от кресла. Хотите совет? Если вас когда-нибудь пригласят в телепрограмму, возьмите с собой спонжи и прочие атрибуты для накладывания грима, иначе вас обработают общей кистью и вы либо получите конъюнктивит, либо покроетесь прыщами неизвестной этиологии.

Танечка ловко натянула на меня платье.

– Великовато чуток, – задумчиво произнесла она. – Не беда, ща подколю на спине.

В гримерку без стука ввалился звукооператор Стас с бандажом в руках.

– Давай, замотаю, – приказал он.

Я покорно подняла подол.

– Осторожней, не повреди бисер, – занервничала Таня, – платье надо в целости и сохранности вернуть.

– Не учи ученого, – прокряхтел Стас, затягивая на моей талии упругую ленту. – На, впихни в ухо.

– Ведущую на площадку! – заорали из коридора. – Цигель, ребята, цигель! Времени в обрез.

Дверь в гримерку снова распахнулась, на пороге возник Олег.

– Ну? Чего стоим? Кого ждем?

---

[5] Название выдумано автором, совпадения случайны.

– Мы готовы, – хором отрапортовали Аня со Стасом и шмыгнули прочь.

– Вечно ты копаешься, – недовольно сказал гримеру режиссер, – возюкай быстрее своей, блин, акварелью.

– Мне не дали сценарий, – пискнула я. – Кто герой, не знаю!

Олег обернулся и заорал так, что у меня из прически выпали все заколки.

– Почему ведущей не принесли текст? Ядвига ...!

Завершив матерную тираду, режиссер исчез.

Худенькая девушка в джинсах влетела в комнату и сунула мне в руки листки.

– Вот здорово! – возмутилась Таня. – Вечно я главное зло. А то, что работать не дают, в это время шмотки натягивают, звук прилаживают, не считается! Иди, дорогая! Если что с макияжем не так, уж не обессудь.

Зажав сценарий под мышкой и держа в руке туфли, я потопала в студию. Короткое платье рискованно задиралось до середины бедра, две железные коробки, прикрепленные к бандажу, мешали как следует вдохнуть. Микрофон, всунутый в ухо, был приклеен к моей голове скотчем. Вот только не надо думать, что в распоряжении Стаса есть специальный аксессуар, разработанный учеными для фиксации наушника. Вовсе нет. Стасик пользуется обычной клейкой лентой, которую потом отдирает вместе с моими волосами. Это немного больно, но мои ощущения съемочную бригаду не волнуют, главное – чтобы ведущая во время съемки не потеряла микрофон: шоу стараются писать почти без остановок.

Я добралась до кресла, села, надела лодочки, отдала тапки молчаливой Ядвиге и заерзала. Пайетки отчаянно кололись.

– Замечательное платье, – отпустил мне комплимент Дима.

– Спасибо, – улыбнулась я.

Врач хорошо воспитан, всегда старается сказать мне приятные слова. Ну не объяснять же ему, что я весьма некомфортно себя чувствую, сидя на колких пайетках, которыми расшит идиотский наряд.

– Дарья, – ожило «ухо», – слышишь меня?

– Ага, – ответила я.

– Что с твоим лицом? Верни улыбку, – приказал Олег, – начинаем. Текст где?

– На столе, – отрапортовала я.

– Супер! Героиню представляет Дима, ты, как всегда, смайл, понимание, удивление, восторг. Работаем! Камера. Мотор. Есть мотор?

– Моторимся, – прозвучал далекий голос.

– Дима, начал, – гаркнул Олег.

– Здравствуйте, – расплылся в улыбке врач, – вы смотрите шоу «Истории Айболита», с вами я, доктор Дмитрий, и наша очаровательная ведущая Даша.

Из темноты послышались два резких хлопка, зрители в студии, повинуясь знаку ассистента режиссера, забили в ладоши.

– Встречайте нашу героиню, – зачастил Дима. – Она перенесла много страданий, была на волосок от смерти, но не сдалась. В студии Вера Орлова!

Я покосилась на текст и тихонечко ойкнула.

– Молодец, – сказал Олег, – натуральное удивление!

Еще бы! В сценарии было напечатано: «Входит герой, Петр Сергеевич Попов». Но сейчас в зале появилась высокая блондинка. Взбалмошная Ядвига перепутала текст. Остается лишь надеяться, что суфлер заряжен правильно. Буду читать свои слова с экрана. Правда, мне не очень-то хорошо он виден, но как-нибудь выкручусь!

– Наша героиня провела пять лет в коме, – сказал Дима и взглянул на меня.

Я прищурилась и спросила:

– Как вы туда попали?

– Даша! – закричал Олег. – Умоляю, внимательней, по тексту, без отсебятины. Что с вами случилось?

– Что с вами случилось? – попугаем повторила я.

Орлова начала рассказ. По мере того как она говорила, у меня отваливалась челюсть. Неужели такое может произойти с человеком? История Веры смахивала на фантастический роман и, тем не менее, была правдой. Редактура тщательно отбирает основных действующих лиц, проверяет их истории. В нашем шоу нет артистов. Но я с огромным трудом верила этой симпатичной женщине.

Глава 3

Вера Орлова оказалась моей коллегой. В прошлой жизни она преподавала английский язык в третьесортном московском институте, получала маленькое жалованье и занималась репетиторством, ее семье катастрофически не хватало денег. Правда, в отличие от меня, Вера всю жизнь была замужем за одним и тем же мужчиной, кандидатом технических наук, инженером НИИ Константином, веселым, компанейским парнем, который обожал туристические походы, пение под гитару и считал свою жену Верочку, маму Наталью Петровну, сестру Алену, дочку Катю и сына Мишу лучшими людьми на свете.

Большая семья с трудом сводила концы с концами, Наталья Петровна страдала диабетом, поэтому рано ушла на пенсию по инвалидности. Алена работала логопедом в детской поликлинике, потом выучилась на психотерапевта и открыла частную практику, правда, много денег не зарабатывала. Походы к личному душеведу стали популярны у наших людей недавно. Вера репетиторствовала, Костя чинил в своем гараже чужие машины. В общем, выживали, как умели. Наталья Петровна твердой рукой вела домашнее хозяйство, она же заведовала семейным бюджетом. Раз в году семья отправлялась на море и всегда методично откладывала средства на крупные покупки. Жили все вместе в стандартной трешке. Конечно, четырем взрослым и двум быстро растущим детям было тесно на семидесяти пяти квадратных метрах с одним санузлом и крошечной кухней. Но Орловы не ссорились: все скандалы умело гасила Наталья Петровна, которая всегда дипломатично принимала сторону невестки.

В девяностых годах Вере невероятно повезло. Она купила у метро билет одной из многочисленных лотерей и неожиданно выиграла квартиру.

Когда рыдающая от счастья Верочка сообщила домашним об удаче, и муж, и свекровь, и Алена в один голос сказали: «Не верь! Это обман. Не ходи в контору, которая обещает жилплощадь, разведут тебя как котенка».

Орлова пообещала не связываться с лотерейщиками, но впервые обманула родных, поехала по указанному в билете адресу и... получила ключи от четырехкомнатных апартаментов в новом спальном районе.

Положив связку в карман, Вера ничего не сказала домашним. Она быстро и тайно продала новую жилплощадь, а на вырученные деньги открыла пекарню и кондитерскую. Лишь став успешной обладательницей бизнеса, она сообщила правду родственникам. Впервые Орловы с шумом поскандалили. Константин, Алена и Наталья Петровна возмутились.

– Зачем нам печь с плюшками? – бубнил муж. – Глупее ничего не придумать!

– У меня нет личной жизни, потому что я никогда не бываю дома одна, – дрожащим голосом произнесла Алена, – можно было выкроить однушку для меня и вам улучшить условия.

– Деточка, разве правильно в одиночку принимать стратегическое решение и распоряжаться по своему усмотрению нашими четырьмя комнатами? – спросила Наталья Петровна.

И тут тихая Вера впервые продемонстрировала характер, благодаря которому позднее она заняла место в списке самых богатых женщин России. Она заявила:

– Вы останавливали меня, не позволяли идти за выигрышем, я вас не послушалась и оказалась права. Комнаты не ваши, а мои! Я приобрела билет на свои заработанные деньги, выиграла квартиру и вольна поступать с ней, как считаю нужным.

Орловы притихли, а Вера продолжала:

– Не хочу жить в нищете и считать копейки. У меня появился шанс, и я непременно оседлаю удачу.

– Смотри, не свались с бешеной лошади, – язвительно прокомментировала Алена ее заявление.

Вера окинула ее взглядом.

– Нет. Я крепко держусь за гриву. Ты хочешь иметь свою квартиру?

– Ну да, – кивнула Алена, – уютную однушку.

– Скоро я смогу подарить тебе двушку в любом районе, – пообещала Вера.

Ответом послужил смех, развеселились все, даже общая любимица, кошка Клепа, начала громко мяукать.

Зря, однако, домашние потешались над Верой. Через пять лет Орлова опутала Россию сетью булочных-кондитерских-кафе, быстро выжила с рынка конкурентов и получила от журналистов прозвище «Королева эклеров». Трубочки из заварного теста стали фирменным изделием объединения «Орел»[6], их выпускали более сорока видов, впрочем, остальная выпечка тоже была хороша.

Теперь у семьи Орловых огромная квартира, которую Вера купила в самом престижном районе Москвы. Естественно, у всех есть машины, дорогая одежда и прочие радости. Наталья Петровна ведет домашнее хозяйство, Костя пишет докторскую диссертацию и по-прежнему сидит в своем НИИ. Правда, приезжает он туда нынче не на метро, а на «Порше», а вместо походов с палаткой на горбу предпочитает на собственной яхте колесить вдоль побережья Испании, где Орловы владеют просторным коттеджем. Катя и Миша живут за границей. Девочка училась в Англии, мальчик в Америке, там они нашли работу, получили вид на жительство и не желают возвращаться в Россию.

Вместе с Верой никто не работает, но она и не хочет привлекать домашних к бизнесу, ей комфортнее руководить фирмой одной.

Вера – пример того, чего может добиться трудолюбивый, честный человек, если упорно идет к своей цели, не обращая внимания на синяки, шишки и подножки судьбы. Орлова всегда вела белую бухгалтерию, налоги платила сполна, заботилась о своих служащих, честно боролась с конкурентами и в конце концов завоевала всеобщее уважение. Правда, отдыхать в Испании, кататься на яхте, гулять по садику, который примыкает к коттеджу, вдыхать аромат цветущих роз и пионов было некогда Вере. Она моталась по всей стране, открывала то тут, то там новые точки, одной из первых начала доставлять заказы на дом, печь торты по индивидуальному дизайну. Очень часто Орлова уезжала из дома в понедельник в шесть утра, а возвращалась в четверг, в районе полуночи. В пятницу на рассвете снова улетала. Вера отлично понимала: хозяйский глаз ничто не заменит, и не доверяла никому, кроме себя.

Пять лет назад, весной, Орлова забежала в свое любимое кафе, с него, собственно, и началась империя Королевы эклеров, прошла в кабинет, попросила принести ей чаю и более не беспокоить. С обеда до позднего вечера она не выглядывала из рабочей комнаты. Закрыв в двадцать три часа заведение, управляющий Иван не решился ее беспокоить. Но в конце концов он осторожно поскребся в дверь и сказал:

– Вера, я ухожу. Вы остаетесь?

Ответа не последовало. Подчиненный решил нарушить покой хозяйки, распахнул дверь и обомлел. Орлова лежала на полу. Перепуганному Ивану показалось, что она не дышит.

«Скорая помощь» доставила Веру в клинику. Врачи поняли, что она находится в тяжелом состоянии. Через некоторое время было произнесено слово «кома», и Веру подключили к аппаратам.

Из-за чего молодая, активная женщина очутилась в бессознательном состоянии, не знал никто. В анализах Орловой не нашли ни яда, ни наркотиков, ни лекарств. За несколько часов до отключки Королева эклеров была весела, шутила с Иваном и не жаловалась ни на какие недомогания. На рабочем месте в тот день она пила только чай, самый обычный, цейлонский, без экзотических добавок из трав или сушеных фруктов, не ела морских гадов или других блюд, способных вызвать резкую аллергическую реакцию.

---

[6] Название придумано автором, любые совпадения случайны.

Насмерть перепуганный Иван сохранил чашку с остатками чая из кабинета хозяйки. Управляющий очень боялся, что его обвинят в случившемся, и сам передал посуду Косте со словами:

– Непременно сделайте анализ остатков чая.

Проверили. Ничего. Чай как чай.

Через год после того, как Вера оказалась в бессознательном состоянии, ее лечащий врач Эдуард Михайлович стал делать Косте осторожные намеки.

– Из комы выходят единицы, – говорил он, – вы зря тратите большие деньги. Вера никогда не очнется.

– Но ведь кое-кто выздоравливает, – парировал супруг.

– Таких больных можно по пальцам пересчитать, – вздыхал медик. – Вернувшись из небытия, человек никогда не становится прежним, он сильно меняется, как правило, в худшую сторону, долго не живет, постоянно болеет. Восстановительный период занимает годы. Думаете, Вера откроет глаза, встанет, обнимет всех и поедет на работу? Какая наивность! Не следует ориентироваться на телесериалы. Вашей жене придется заново учиться ходить, есть, пить, разговаривать, вероятна частичная или полная амнезия.

– Но шанс на реабилитацию есть? – уточнил Костя.

– Весьма призрачный, – жестко ответил Эдуард Михайлович.

– Значит, я им воспользуюсь, – кивнул Костя.

Эдуард попробовал побеседовать с Натальей Петровной и Аленой, попросив:

– Внушите Константину, что жену не вернуть, лучше не мучить ни себя, ни ее, а просто отключить систему жизнеобеспечения.

– То есть убить Веру? – уточнила Алена.

– Я не смогла усыпить кошку, которой на тринадцатом году жизни ветеринар поставил диагноз цирроз печени, – тихо произнесла Наталья Петровна. – Он уверял, что Клепа живой мертвец, скончается в мучениях, но у меня язык не повернулся позвать медбрата со снотворным. И знаете, Клеопатра прожила еще пять лет и тихо скончалась во сне. Мы будем ухаживать за Верой столько, сколько времени удастся поддерживать в ней жизнь!

– При современном оборудовании и надлежащем уходе она и полвека протянет, – не выдержал доктор. – Вы хоть понимаете, в какую сумму вам это обойдется?

– Мама, он дурак? – спросила Алена. – Предлагает, чтобы мы убили Веру из экономии?

– Если не хотите держать мою невестку в своей клинике, я переведу ее в другой центр, – спокойно произнесла Наталья Петровна.

– Я просто обязан вас правильно сориентировать, – вздохнул доктор.

– Спасибо, – поблагодарила она его. – Лучше скажите, что мы можем еще сделать?

– Ничего, – отрезал Эдуард Михайлович, – только молиться.

Но Орловы решили, что одного упования на Бога мало. Веру не оставляли одну. Около нее постоянно кто-нибудь находился, ей читали книги, газеты, включали телевизор, пели песни, делали массаж, приглашали парикмахера, мастера по маникюру-педикюру, косметолога, тренера по лечебной физкультуре. Раз в неделю в палате с отчетом о работе появлялся Роман Кислов, заместитель Веры. Эдуард Михайлович только крякал, наблюдая за суетой вокруг больной. Он-то понимал: надолго пыла родных не хватит. В соседней с Верой палате лежал Георгий Саввич. Его домочадцы первое время тоже проявляли заботу и внимание, но потом энтузиазм жены и сына завял, и они перестали наезжать в клинику. Через год семья попросила выключить аппаратуру и, рыдая от горя, похоронила Саввича. Эдуард отлично знал, что большинство людей вначале резко отрицательно реагирует на его разумное предложение прекратить бессмысленное существование человеческого тела, но проходят месяцы, и позиция мужа-жены-матери больного меняется. Год, полтора, максимум два – больше никто на его памяти не выдерживал. Эдуард Михайлович не был жестоким, злым человеком, он просто знал,

что рано или поздно ему предстоит остановить работу дыхательной и очистительной системы, и всего лишь хотел уберечь людей от непомерных трат.

Но семья Орловых не собиралась сдаваться. Шло время, и по-прежнему каждый понедельник у кровати Веры сидел Костя, во вторник приезжала Алена, в среду свекровь, в пятницу Роман.

– Вы общаетесь с ней, как с живой, – не выдержал один раз Эдуард Михайлович. – Зачем женщине в коме маникюр?

Наталья Петровна оторвалась от книги, которую читала невестке вслух, и уверенно сказала:

– Вера не умерла, она временно лишена возможности общаться, я уверена, невестка скоро очнется.

Доктору оставалось лишь разводить руками, он, в отличие от наивной свекрови больной, понимал, что перспектива у нее другая.

Вера провела в коме почти пять лет. Двенадцатого января прошлого года медсестра Леночка, как обычно, в восемь утра вкатила в палату столик с завтраком. Вера не могла питаться самостоятельно, но Орловы настаивали, чтобы ей непременно привозили еду. Лена считала это распоряжение идиотским: ну зачем платить за обед-полдник-ужин, которые нетронутыми возвращаются на кухню? Медсестрам хорошо, они могут спокойно съесть то, что не понадобилось больной, но где ум у родственников? Или им попросту некуда девать деньги?

Лена взяла поднос, хотела привычно поставить его на постель и услышала тихий стон, а потом шорох.

В первую секунду медсестра подумала, что в палате забыли на ночь выключить радио, но потом повернула голову, увидела открытые глаза больной, уронила на пол поднос и выскочила в коридор с воплем:

– Орлова ожила!

Через рекордно короткий срок в палату набились почти все врачи медцентра. Вера смотрела на докторов, моргала, а когда у нее из горла вынули трубки, неожиданно четко и внятно спросила:

– Который час?

Эдуард Михайлович чуть не умер, услышав вполне разумные слова. В больницу прилетели родные Орловой, кто-то из медперсонала позвонил в «Желтуху», корреспонденты начали пикетировать клинику, поднялся невероятный шум, который через месяц утих. Газеты написали о восставшей из небытия женщине, дали ей прозвище «Спящая царевна», поохали, поахали и перебросились на другие темы. А Вера продолжала удивлять медиков.

Процесс реабилитации шел вперед семимильными шагами. Орлова села, встала, начала ходить, нормально общалась с домашними, помнила свое прошлое и могла снова управлять бизнесом. Иначе как чудом случившееся назвать медики не могли. Складывалось ощущение, что пяти лет в коме как не бывало: Вера вроде заснула вечером и проснулась на следующий день, полная планов и идей.

Сейчас бизнесвумен ведет насыщенную жизнь, принять участие в телешоу она согласилась с одной целью – чтобы сказать с экрана телевизора тем, у кого есть тяжелобольные родственники: «Люди, никогда не отчаивайтесь: даже если все вокруг станут твердить, что надо перекрыть дыхательный шланг, помните, надежда есть всегда».

Когда страстная речь героини завершилась, в студии пару мгновений царила тишина. Растерялись все, даже Олег. Первым очнулся помреж, он забил в ладоши, зрители зааплодировали, а в моем ухе прозвучал голос:

– Офигеть. Даша, давай, говори текстуху.

Шоу потекло своим чередом. Второй гость, актер средней руки Владимир Харцев, чья жена умерла, так и не выйдя из комы, откровенно растерялся и лишь «экал» в ответ на наши с

Димой вопросы. Зрители рыдали, семья Орловой не могла и не хотела скрыть радости, Наталья Петровна в своем выступлении нападала разом на всех врачей:

– Им бы только поскорей докуку с рук сбыть, не хотят людей лечить, убеждают вас, что больной безнадежен, и до свиданья. Убийцы! Вот, например, его жена очнулась бы и жила!

Владимир, на которого бесцеремонно указала свекровь Веры, вздрогнул и закрыл лицо руками.

– Ай-ай, – заволновался Олег, – у нас не скандальная программа, совсем другой формат. Немедленно задай свой вопрос!

Я навесила на лицо улыбку.

– Наталья Петровна, вы утверждаете, что вытащили невестку из комы без помощи официальной медицины?

– Официальная медицина? – с ехидством повторила старшая Орлова. – Официальная медицина предлагала убить Веру. Я действовала вопреки докторам.

Зрители без приказа помрежа устроили овацию, их симпатии явно были на стороне пожилой дамы.

– Черт знает что! – разозлился в моем ухе голос. – Наша основная задача – внушить народу простую истину: заболел, вали в поликлинику к доктору с дипломом, а не к колдуну, который тебя толчеными кирпичами накормит. Даша, немедленно спасай ситуацию! Своими словами! Действуй!

Я подняла руку.

– Попробуем включить логику. Может, Наталья Орлова зря ополчилась на врачей? Да, они совершили ошибку, предложив отключить аппаратуру, но ведь лечили Веру, давали ей лекарства, ухаживали за ней.

– За наши немалые деньги, – уточнила мать Кости. – Нет средств – покупайте гроб!

– Вы же не пошли к экстрасенсам! – воскликнула я. – Доверились специалистам – и правильно сделали. Нельзя обращаться к ведьмам, знахарям, колдунам.

– Я хочу сделать заявление! – закричала Алена, вскакивая с дивана.

– Останови ее! – взорвался в моем ухе голос. – Пусть заткнется!

Но поздно! Алена затараторила с пулеметной скоростью:

– Я видела, что дело плохо, понимала, как страдает Костя. Да, мне было жаль Верушку, но она мирно дремала! А мама и брат переживали!

– Я не спала! – быстро вставила свое слово главная героиня. – Неверное замечание, оно...

– Костя мучился бессонницей, – легко переорала жену брата Алена. – Мама плакала. Вот я и применила к Вере свою методику «оживления сознания». Работала с ней на протяжении трех месяцев! По выходным!

Теперь со своего места поднялся Костя.

– Минуточку, нам с мамой ты говорила, что ведешь групповой тренинг в подмосковном пансионате!

Алена вскинула голову.

– Да! Я не знала, как получится, не хотела вас обнадеживать и не собиралась никому рассказывать правду. Но сейчас посмотрела на Владимира Харцева и поняла: нужно забыть про профессиональную этику и сохранение врачебной тайны. Люди обязаны знать: есть методика, которая позволяет вернуть человека из комы в нормальную жизнь. Она новая, разработана мной, проверена пока исключительно на Вере, но сработала! Верушку спасла я.

– ...! ...! ...! – выматерился голос в моем ухе. – Ну, блин!

Я поняла, что Олег сейчас не может дать мне полезный совет, и взглянула на Диму. Тот поправил висевший на шее стетоскоп и осведомился у Алены:

– Вы врач?

– Психотерапевт, – уточнила возмутительница спокойствия. – Окончила институт проблем личности человека и сейчас практикую.

– Ё-моё, заткните эту тетку, – ожил в ухе Олег.

– Ах, психолог, – протянул Дима. – Воздействуете разговорами? Очень интересно! Значит, лечите беседами?

Олег застонал, а Дмитрий продолжал:

– Думаю, болтовня у постели Веры вреда ей не нанесла, но и не оказала никакого положительного эффекта. А вот современная медицина, дипломированные врачи всегда придут на помощь!

– Гады они! – закричал из зала тоненький голос. – Посмотрите, че покажу!

Высокая дама, одетая в красное, смело декольтированное платье, выскочила на площадку.

– Меня зовут Таисия Корнеева, – звонко произнесла она. – Не смейте насмехаться над Аленой. Я болела онкологией, врачи сказали: «Шансов нет!» Отправили меня умирать. А психотерапевт Орлова провела со мной свои сеансы, и опухоль исчезла!

– Тася, не надо, – поморщилась Алена, – сядь на место. Программу снимают не обо мне, а о Вере.

– Да что о ней говорить! Подумаешь! – запальчиво возразила Таисия. – Ни малейшей ее заслуги в том, что очнулась, нет. А ты многих с того света вытянула. Вот мои документы! В них диагноз, лечение. Смотрите: видите фразу «четвертая стадия»? А здесь – практически здорова! Проверить легко!

– А ну, дайте сюда, – заинтересовался Дима.

– Ты мог спасти Катю! – заорала теща Харцева и бросилась на зятя. – Я умоляла не отключать мою дочь! А муженек настоял!

– Стоп мотор! – взвыл режиссер. – Технический перерыв!

Глава 4

Съемку, зрителей попросили выйти в холл, теще Харцева вызвали «Скорую», сам Владимир достал из сумки фляжку и начал глотать коньяк.

– Жалко актера, – шепнула я Стасу, который отдирал от моего уха скотч.

– Неа, – ответил звукооператор, – ни на секунду. Так ему и надо.

– Злость ухудшает здоровье, – вздохнула я, – постарайся быть добрее.

Парень начал аккуратно сматывать провод.

– Чего Харцев на программу припер? Почему не уехал, когда мать его покойной жены скандал затеяла? Ты бы осталась?

– Наверное, нет, – призналась я.

– А этот здесь, – скривился Стас. – Ему нужна реклама, надеется привлечь внимание режиссеров, получить роль в сериале, огрести бабла. Готов пиариться за счет семейной трагедии. Не, у меня он никаких чувств, кроме брезгливости, не вызывает. Чумовая программа получается. Олег ща на Петра Первого похож, глазья выпучил, в руках топор, собрался всем головы отчекрыжить.

Я хотела сказать звукооператору, что Петр Первый был великим реформатором, а припадки ярости царя, скорее всего, вызывались сбоем в работе щитовидной железы, что косвенно подтверждают его глаза навыкате, но не успела: нас с Димой позвали на совещание.

После интенсивного мозгового штурма было решено продолжить съемки завтра. Я побежала в гримерку и увидела в коридоре Алену в плотном кольце зрителей. Все хотели получить телефон чудо-специалиста. Над толпой несся визгливый голос Таисии:

– Глядите, вот УЗИ опухоли! А вот снимок, который я сделала в декабре. Где она?

– Нету, – шелестели слушатели. – О! А! О!

Я прижалась к стеночке и бочком-бочком попыталась миновать разгоряченную толпу, но Алена заметила меня.

– Даша, погодите.

Я приклеила к лицу телеулыбку.

– Слушаю вас.

– Когда программа выйдет в эфир? – деловито осведомилась психотерапевт.

– Да, когда? – подвякнула Таисия.

– Вопрос не ко мне, а к режиссеру, – смиренно ответила я. – Я исключительно ведущая, не организую шоу, не принимаю стратегических решений.

– А почему нам велели завтра с утра приходить? – допытывалась Алена. – Я не поняла. Делают еще одну передачу, теперь уже со мной?

– Нет, сегодня не успели дописать финал, – пояснила я, – придется еще поработать. Как правило, мы укладываемся в один день, но с вами не получилось.

Алена заморгала.

– В каком смысле финал? Я думала, программу прямо завтра, максимум в конце недели выпустят на экран.

Я засмеялась.

– Нет, еще предстоит монтаж, и премьера назначена на весну.

На лице Алены появилось разочарование.

– Но режиссер, который приглашал нас сюда, сказал: «Станете согероиней самого рейтингового шоу, вас сразу увидят миллионы!» Я подумала, что... ну... короче... уже завтра... или...

Я, удерживая на губах улыбку, кивала. Ну конечно, Борис, ассистент по гостям, напел Алене сладкие песни. Ему нужно заманить людей для участия в съемках. Отсюда и слова про

«самое рейтинговое шоу» и «миллионы зрителей». Ушлый Боря забыл упомянуть крошечные детали: программа выпустится весной, и, если режиссеру выступление Алены не понравится, он его вырежет недрогнувшей рукой. Тогда ей не удастся позвездить во всю мощь. Но я не имею права рассказывать Алене, как идут дела на телекухне, поэтому крикнула:

– Сергей!

Морозов, как раз показавшийся в коридоре, помахал мне рукой. Я взглянула на Алену.

– Видите мужчину? Это один из начальников, он ответит на любые ваши вопросы.

Нехорошо подставлять людей, но лучше, если с сестрой Константина поговорит продюсер. Таисия и Алена пошли ему навстречу, а я поторопилась в свою гримерку и стала приводить себя в порядок. Процесс занял около часа. Сначала потребовалось вытащить из прически армию заколок, невидимок, шпилек, расчесать волосы и придать им нормальный вид. Затем настал черед грима, который смылся с лица лишь после пятого намыливания гелем. Когда я со счастливым стоном влезла в свои любимые джинсы и мягкий кашемировый свитер без единой пайетки, на столике у зеркала зазвонил телефон. Я знаю, что это аппарат внутренней связи. Им воспользовался кто-то из своих, явно разыскивают не меня, но ответить нужно. Я подняла трубку и сказала:

– Шоу «Истории Айболита», никого нет, на сегодня съемка закончена.

– Ой, а с кем я говорю? – спросил женский голос.

– Ведущая Дарья Васильева, – представилась я.

– Даша, простите за беспокойство, мне очень надо подняться в гримерную, где я переодевалась. Это Вера Орлова.

– Разве вы не уехали? – удивилась я.

– Сейчас объясню, только подскажите, куда идти, я запуталась в коридорах, – попросила Вера. – Стою возле двери с надписью «ЭБГ». Вроде шла правильно, а куда забрела?

Я засмеялась.

– В этом здании можно кружить неделю и не найти выход. Вы повернули у лифта направо, а надо налево. Вернитесь к подъемникам, ищите комнату ноль сорок девять, это ваша гримерка, она находится около моей, ключ лежит на столике, я его вижу.

– Здорово! – обрадовалась Вера. – Уже бегу.

– Что-то потеряли? – спросила я у Орловой, когда та появилась у меня перед глазами.

Женщина смутилась.

– Кольцо.

– Дорогое? – насторожилась я.

Вера вытянула правую руку.

– Ну, если думать о каратах, то не особенно, хотя камень хороший, но для меня оно ценнее бриллиантов из Оружейной палаты, всех вместе взятых. Когда Костя сделал предложение, он мне кольцо подарил. Я тогда чуть не умерла, как увидела. Ничего не смыслила в ювелирке, носила одни пластмассовые браслеты. А Константин преподнес мне настоящий бриллиант в тяжелой золотой оправе.

Вера знала, каково материальное положение будущего мужа, и не удержалась от вопроса:

– Где взял?

– Купил, – с достоинством ответил Костя.

Первые месяцы жизни с Константином Вера не знала, где муж достал деньги, но потом Наталья Петровна спросила у сына:

– Косточка, а почему ты больше не занимаешься своей коллекцией? – и правда вылезла наружу.

Константин со школьных лет собирал марки, ему удалось скопить в кляссерах[7] немало интересных экземпляров, кое за какие юноше предлагали хорошие деньги, но Орлов не соглашался ничего продавать. Но ради того, чтобы подарить любимой кольцо, Константин отдал дорогие сердцу альбомы другому владельцу.

– Какой романтичный поступок! – восхитилась я.

Вера кивнула.

– Учтите, мы были беднее церковных мышей, и Костя обожал марки. Я стараюсь не снимать кольцо даже на ночь, оно всегда со мной.

– Сейчас его нет, – отметила я, глядя на безымянный палец собеседницы.

Вера зябко повела плечами.

– Когда я села на свое место в студии, то выяснилось, что от камня идут блики, на пленке получается брак. Режиссер попросил снять кольцо, пришлось повиноваться. После съемок я пошла умываться, потом собралась спуститься к машине, и тут словно змея в сердце ужалила: кольцо. Вроде я положила его в косметичку, посмотрела там, нет. Вероятно, оно скатилось на пол и лежит сейчас где-нибудь под столиком, верно?

Я молча кивнула. К сожалению, бывают нечистые на руку люди, которые преспокойно сунут в карман чужую собственность. На время съемок гримерки положено запирать, но молчаливая Ядвига, в обязанности которой это входит, никогда этого не делает. Пока основная масса народа работает в студии, в комнатки с вещами может заглянуть посторонний, любой из тех, кто идет по коридору – зрители, гости, ведущие, операторы, режиссеры, уборщицы, рабочие, сценаристы, актеры, журналисты. В кулуарах телевидения царит суета, и не надо думать, что люди, стоящие на верху социальной лестницы, честнее тех, кто у ее подножия. Вор – он всегда вор, независимо от статуса. Я могла бы рассказать вам печальную историю о певице одного театра, известной актрисе, богатой женщине, жене человека с состоянием, которая не моргнув глазом таскала у коллег из сумочек деньги и браслеты-серьги. Когда воровку схватили за руку, администрация была поражена. От такой дамы никто не ожидал ничего подобного. Увы, и среди селебретис встречаются воришки.

Вера исчезла на четверть часа, а когда вернулась, положила ключи на столик и тихо сказала:

– Нету. Все обшарила. Что мне теперь делать? Вот несчастье!

Я погладила ее по плечу.

– Поехали на одиннадцатый этаж. Там есть небольшой ресторанчик, только для своих.

Выпив чашку чаю, Вера повторила вопрос:

– Что мне теперь делать?

– Объясни Константину правду, – посоветовала я.

– Невозможно, – отрезала Вера, – Костя считает колечко талисманом, он не разрешил снять его у меня с руки, когда я лежала в коме. Врачи просили забрать драгоценность, но муж уперся. Нет, и точка. Он считал, что кольцо сбережет меня. Как я ему сообщу?

– Страшно лежать в коме? – вырвалось у меня.

Вера прищурилась.

– Честно? Никак. У меня было ощущение, что я заснула в своем кабинете под бубнеж радио, оно несло какую-то чушь, меня и сморило. Утром того дня я прилетела из Минска, открывала там кондитерскую, самолет попал в турбулентность, его помотало. Я аэрофоб, но летать приходится постоянно, я всегда нервничаю, принимаю успокоительное, ну и стала после возвращения в Москву клевать носом за рабочим столом. Попросила крепкого чаю, выпила, стало жарко. Радио бу-бу-бу, бу-бу-бу, и все. Открываю глаза, какой-то мужик надо мной нави-

[7] *Кляссер* – альбом для марок.

сает, свет глаза режет, все тело чешется, словно его армия муравьев искусала. Думала, минут десять проспала, ладно, тридцать, час. Оказалось – пять лет.

– Ты ничего не помнишь? – усомнилась я.

Вера пожала плечами.

– Нет.

– Наталья Петровна уверена, что ты все слышала, – вздохнула я, – просто не могла пошевелиться и принять участие в беседах.

Вера тряхнула головой.

– Я ей сказала, что воспринимала книги, которые мне читали, стихи, слышала разговоры, балдела от музыки, звучавшей в палате. Соврала.

– Зачем? – поразилась я.

Вера протяжно вздохнула.

– Наталья всегда меня поддерживала, в любой ссоре была на моей стороне. Сначала свекровь демонстративно показывала любовь, а потом на самом деле стала испытывать ко мне светлые чувства. Мне рассказали, что за пять лет она не пропустила ни одного понедельника, всегда приходила в клинику. Знаешь, такое дорогого стоит. Я хотела сделать ей приятное, вроде не зря она время теряла. Прости, перешла с тобой на «ты».

– Не люблю «выкать», – успокоила ее я. – А что Алена? Что за сеансы она проводила?

– Понятия не имею, – усмехнулась Вера, – хочешь знать правду? У меня героическая семья, они все стояли за меня горой. Я, конечно, потом узнала, что мне единственной на этаже не отключили дыхание, но как-то эта информация мимо пролетела, не задев. А сегодня в студии посмотрела на Харцева и обомлела. Владимир из тех, кто фактически убил свою жену, лишил ее шанса. А мои! Им надо медали дать. Есть же награда «За спасение утопающих» или «За отвагу на пожаре». Впрочем, я не в курсе, как они называются правильно, но их вручают храбрецам. Меня выдернули из комы, ее тоже можно считать рекой или огнем.

Вера примолкла, налила себе чаю и закончила:

– Если родным хочется думать, что меня вернули на землю чтение стихов или распевание мантр, я согласна. Поэтому и повторяю: «Отлично слышала речь, ощущала прикосновения, ловила вашу любовь».

– Не надо это говорить на шоу, – попросила я.

– Почему? – раздраженно спросила Вера.

– Народ посмотрит программу и подумает, что с их родственниками будет так же, – прошептала я. – Лучше честно признаться, что ты ничего не испытывала.

Вера отодвинулась от стола.

– Пусть люди опомнятся и бросятся в палаты к тем, кого там забыли. Пусть опасаются отключать аппараты. Пусть дадут своим шанс. Пусть Харцев помучается, надеюсь, он сегодня не заснет. Хотя навряд ли, у таких парней кожа носорожья. Я теперь на всех углах кричать буду: «Коматозники живые, не убивайте их». Мне дали шанс, я обязана помочь другим, вдруг они тоже очнутся! Господи, как кольцо жаль! Что теперь делать?

Глава 5

Я тронула Веру за плечо.

– У меня есть знакомый ювелир Яцек, живет в Медведкове, в доме, где расположен «Дом книги». Один раз, когда я потеряла браслет, подарок невестки Зайки, он по фото выполнил копию, Зая ничего не заметила. Мастер может использовать натуральные камни или стразы. Поезжай, он тебе сделает отличную копию кольца, просидит пару суток, не вставая, но выполнит заказ из тех материалов, которые есть у него в наличии. Позже у него же попросишь сделать кольцо с подлинным брюликом. Ему нужен только снимок украшения, желательно детальный. Костя не узнает, что талисман пропал, скажешь: «Отдала починить, одна лапка погнулась».

– Дай телефон! – обрадовалась Вера. – Прямо сейчас позвоню.

Я вытащила мобильный. Вера договорилась с Яцеком и стала благодарить меня:

– Мне в голову б не пришло заказать копию! Этот мастер, похоже, хороший человек, услышал, что срочно надо, и предложил приехать сегодня к одиннадцати вечера.

– Яцек прекрасный специалист, – повторила я, – правда, не дешевый.

– За все надо платить, – вздохнула Орлова и передернулась.

Я моментально среагировала на ее движение:

– Что-то не так?

Собеседница взглянула на один из экранов, которые висели на стене.

– У меня был отчим, который любил повторять эту фразу. Как правило, он ее произносил, отводя меня для наказания в кладовку, где мама хранила запасы на зиму. Наивный Степан Арнольдович полагал, что пребывание в помещении, где активно шуршат мыши, испугает строптивую девочку. Но он ошибался! Я никогда не боялась грызунов, они мне казались милыми, умными, добрыми, а еще в кладовке на полках хранилась армия банок с вкусными компотами, вареньем, маринованными овощами.

Вера на секунду примолкла, хихикнула и продолжила:

– Я в углу, где мама домашнее вино держала, прятала открывалку и мешочек с сухариками. Степан меня в чулан отведет, замок отопрет и говорит:

– Не хочется тебя наказывать, но и позволить безобразничать не имею права. Пойми, Вера, за все надо платить, не бывает преступления без наказания. В твоих силах выбрать, как поступить. Ходишь в школу, приносишь пятерки? Тогда вечером спокойно бежишь в кино и получаешь деньги на мороженое. Не слушаешься, прогуливаешь занятия? Сиди вместо прогулок с подружками в кладовке. Это не я тебя наказываю, ты сама себя наказала! За все надо платить!

Я стою, глазки в пол, личико несчастнее некуда, а в душе над Степой потешаюсь. Нет преступления без наказания? Три ха-ха! Сейчас съем компот из персиков, намажу на сухарики домашнюю баклажанную икру, закушу маринованными огурчиками-помидорчиками, можно тушенкой побаловаться, выбор еды замечательный. Едва наемся, меня мама выпустит. Она дверь открывает, я на кухню несусь. Ясное дело, после плотного ужина горячего чаю попить хочется. Степан после десяти спать уляжется, мама мне в комнату тайком поужинать принесет картошечки отварной, тех же огурчиков-помидорчиков, консервов домашних и говорит:

– Доча, поужинай, небось живот от голода подвело!

А я отказываюсь, мне-то есть неохота. Мама упрашивала, иногда плакала. Я ее очень-очень любила, но правду о том, как недавно от пуза наелась, рассказывать не собиралась. Она могла Степану проболтаться. И сидеть тогда мне не в уютной кладовке, а в старой бане, где вместо еды одни ржавые тазики. Отчим строгий был, суровый, своих детей не имел, вот и держал меня в ежовых рукавицах, боялся, что я, как мой непутевый отец, плохо кончу. Тот любил выпить, хотя совсем уж пьяницей его нельзя было назвать, наливался Борис Арнольдо-

вич примерно раз в две недели. К сожалению, отцу хватало небольшой дозы, чтобы потерять человеческий облик, он от алкоголя зверел.

– Ты называешь Степана отчимом, а почему у них с твоим отцом отчества одинаковые? – удивилась я.

– Мама после смерти моего отца вышла замуж за его брата, – уточнила Вера.

– Водка, словно лакмусовая бумажка, – вздохнула я, – лишает человека тормозов, и все, спрятанное под маской воспитания, вылезает наружу. Хочешь узнать, каков мужчина на самом деле, посмотри на него после хорошей дозы спиртного. Становится злобным, лезет драться? Мгновенно засыпает? Превращается в ласкового теленочка? Пословица про пуд соли права, но, на мой взгляд, эти шестнадцать кило надо еще запить канистрой самогонки – вот тогда точно поймешь, с кем имеешь дело[8].

Вера кивнула:

– Согласна. Но мама, выходя за Бориса замуж, не подозревала, в какое чудовище он может превратиться.

Собеседница осеклась, глянула на часы и спросила:

– Яцек назначил встречу на одиннадцать, времени полно, домой ехать до визита к ювелиру не хочу. Вот и болтаю! А тебя, наверное, семья ждет!

Я быстро сказала:

– Нет-нет.

Понимаете, я совсем неопытная ведущая. Я никогда не училась этому искусству, искренне считала, что ничего сложного в данном ремесле нет, и согласилась работать в студии, наивно думая, что съемки занимают два часа в день. В полдень начнут, самое позднее около пятнадцати завершат, и можно гулять. Я и не предполагала, какой это физически и морально изматывающий труд. Расскажи мне кто на момент подписания договора правду, я бы крепко подумала: оно мне надо – превращаться в рабу съемочной группы? Впрочем, я бы не поверила человеку, услышав от него честное заявление: «Дашенька, не суйся, станешь уставать, как ездовая лошадь».

Но, даже будучи неофитом, я успела понять простую вещь. Программа строится вокруг героя. Если он зажат, стесняется, мямлит, с трудом отвечает на вопросы, боится ведущего и цепенеет, едва с потолка опускается камера, то ничего хорошего не получится. С человеком надо подружиться, вот тогда он раскроется с лучшей стороны, и получится замечательный, как говорят на канале, продукт. К сожалению, расположить к себе главное действующее лицо передачи не всегда удается, как правило, на беседу с ним у ведущей элементарно нет времени. Вера сейчас настроена поболтать по душам, и я могу предоставить ей эту возможность – ведь впереди ничем не занятый вечер.

Я налила себе еще чаю.

– Живу одна, дети в Париже, дома лишь собака Афина да ворон Гектор. Спешить мне совершенно некуда! Ты говорила про старую баню. Надо ли понимать, что в детстве ты жила в Подмосковье?

Вера наморщила нос.

– Нет, у нас был частный дом в районе метро «Преображенская».

– Твои родители были богатые и знаменитые? – поинтересовалась я. – В советские годы личный особняк в столице – это круче, чем сейчас коттедж на Рублевском шоссе.

Вера широко улыбнулась.

[8] Пословица: «Чтобы узнать человека, надо с ним съесть пуд соли». Пуд – мера веса, равная шестнадцати килограммам, в наше время не используется.

– Правда, красиво звучит? Частный дом в районе метро «Преображенская»! Мое детство, отрочество и юность прошли на базаре. В глубине квартала находился, как тогда говорили, колхозный рынок.

Я превратилась в слух, а Орлова ударилась в воспоминания. Оставалось удивляться ее способности восстанавливаться после тяжелой болезни. Не знаю, как чувствуют себя другие люди, выходя из комы, а наша героиня все помнила и могла рассказать о своем прошлом в мельчайших деталях.

Мать Веры, Алла Мамалыгина, происходила из социальных низов, она была дочерью уборщицы Анфисы Григорьевны, а про своего отца ничего не знала. Жила Алла на задах шумного базара. Частный дом представлял собой избу с русской печью. Ни центрального отопления, ни горячей воды, ни канализации. Очень давно, до Второй мировой войны, в том месте была деревня, которую ликвидировали, когда Москва начала разрастаться. В нынешние времена район метро «Преображенская» – почти центр столицы, а в детстве Аллы это была окраина с дурной репутацией. Село снесли, на его месте построили пару блочных многоэтажек, но избенка Анфисы Григорьевны чудом сохранилась. По какой причине ее не тронули? Нет ответа на этот вопрос, но Анфиса Григорьевна осталась в своей хатке, окруженной участком с огородом. Аллочка не голодала, мать выращивала овощи, а еще с ней щедро делились продуктами торговцы с рынка. Вот с одеждой и обувью было хуже. Когда Алле исполнилось четырнадцать лет, Анфиса Григорьевна пристроилась домработницей к директору крупного завода Арнольду Иосифову. Когда предстояла генеральная уборка, Анфиса брала на работу Аллочку, поручала ей мыть окна или натирать щетками паркет в огромной квартире начальника. Аллочка была хорошенькой, у Иосифовых подрастало два сына, младший Борис и старший Степан.

В шестнадцать Алла забеременела, до восьмого месяца скрывала это от матери, а потом, когда живот стал виден, категорически отказалась назвать имя отца будущего младенца. Но Анфиса отлично понимала: папочка – кто-то из деточек Иосифовых.

Интимная связь с девочкой, не достигшей восемнадцатилетия, считалась совращением малолетней и сурово каралась Уголовным кодексом. Арнольд и Валентина Иосифовы перепугались, допросили сыновей и быстро оформили брак между Борисом и Аллой. Свадьбу не играли, праздника не устраивали, белого платья невесте не купили, просто отвезли испуганную пару в загс и приказали расписаться в амбарной книге.

– Смог ребенка сделать, сумей его прокормить, – сурово сказал Борису отец, – мы с мамой не желаем жить в коммунальной квартире, делить ванную-кухню с необразованной девчонкой и пить чай с ее мамашей-поломойкой. Забирай вещи и проваливай.

– Куда? – растерялся Боря.

Парень тогда учился в аспирантуре, писал диссертацию по философии и не думал, чем станет заниматься после ее защиты.

– Мне без разницы, – отрубил Арнольд, – я содержу свою семью, твою не хочу обеспечивать.

Борис до той поры распрекрасно жил на иждивении родителей, не знал, сколько стоит бутылка кефира и какую сумму надо платить за электричество. К Аллочке он особых чувств не испытывал, думал, что легкий роман продлится пару месяцев и тихо умрет, как погибали до этого все его любовные связи. Боря не собирался становиться ни мужем, ни отцом, но после того как Арнольд вышвырнул на лестницу чемодан с его вещами, Борис поехал в избушку новоявленной тещи. А куда еще ему было деваться?

Лет в пять не по годам умная Верочка поняла, что папа терпеть не может ее маму и бабушку. Анфиса в глаза называла зятя захребетником, а его родителей – жадными сволочами. Арнольд и Валентина не давали Боре денег, не помогали ему строить карьеру, не интересовались внучкой. Деда и бабку со стороны отца Вера никогда не видела. А вот Степан, ее дядя, частенько наведывался к младшему брату и пытался наладить семейную жизнь Бориса. Степа

покупал Вере кое-какие вещи, заставлял ее учиться, хвалил, наказывал, короче, играл роль, которую не желал исполнять биологический отец. Вот Анфиса обожала малышку, но, к сожалению, бабуля умерла, когда Верочка пошла в первый класс.

Борис так и не защитил кандидатскую диссертацию, он стал... проводником на железной дороге, катался в вагоне по маршруту Москва – Владивосток – Москва, а когда оказывался на короткое время дома, глушил водку, бил жену и орал:

– Из-за вас моя жизнь пошла под откос! Не сделала, гадина, аборт, а я расплачиваюсь.

Когда Вера училась в средней школе, отец сыграл в ящик. Вскоре ушли из жизни Арнольд и Валентина. Степан перевез невестку и племянницу в роскошную квартиру Иосифовых, затем женился на Алле. Дядя-отчим скончался, когда Верочка поступила в институт. Пошла другая жизнь. Дочь трогательно заботилась о матери. Ей хотелось вознаградить скромную, молчаливую Аллочку, которой не удалось выучиться и овладеть достойной профессией. Алла после рождения дочери пошла работать нянечкой в ясли, потом перевелась в детский садик, затем в школу. Чтобы находиться около обожаемой Верочки, она всю жизнь провела со шваброй и тряпкой, последнее ее место службы – институт, где училась дочь…

Вера поманила пальцем официантку, велела принести еще чаю и завершила рассказ фразой:

– Я очень горжусь, что сейчас мама ни в чем не нуждается.

– Она живет с вами? – спросила я.

Вера развела руками.

– Мамочка тихая, скромная, но со своим взглядом на жизнь. Когда я купила просторное жилье, хотела оборудовать для нее самую лучшую, солнечную комнату. Но мама решительно ответила:

– Нет. Я не найду общий язык с твоим мужем, свекровью и золовкой. Останусь в своей квартире, мне тут очень хорошо.

Скажи, Даша, у тебя бывают моменты, когда ты чувствуешь себя чужой?

Вопрос прозвучал неожиданно, я не нашлась сразу, что ответить, поэтому уточнила:

– Что ты имеешь в виду? Попадала ли я в компании, где приходилась не ко двору? Случалось, хотя с годами я почти научилась избегать некомфортного общения.

– Я не об этом говорю, – отмахнулась Вера, – а о душевном раздвоении. Ну вроде как внутри тебя сидит человек, о котором ты не знаешь, но понимаешь: он есть, живет где-то там, притаился, выжидает подходящего момента, чтобы выскочить. Видела шкатулки, которые называют мадридскими?

Я улыбнулась.

– Бабушка когда-то подарила мне на день рождения такую. Я открыла ее – а она пустая! Начала вертеть в руках, дно неожиданно отскочило, и оттуда на пружинке выскочила пластмассовая овечка. Помнится, я даже взвизгнула от удивления, а бабуля сказала: «Есть ларчики с чертиком, но его сразу видно, едва откинешь крышку. А у тебя в руках мадридская шкатулка, на первый взгляд пустая, но затем из нее вылетает спрятанный секрет».

Вот только бабуля не знала, почему шкатулка именуется «мадридской». Может, название каким-то образом связано с крылатым выражением «тайны мадридского двора»?

– Мне иногда кажется, что я такая шкатулочка, – пробормотала Вера. – Сидит под дном души неведома зверушка, и я о ней ничегошеньки не знаю.

– Ну это навряд ли, – поспешила я успокоить Веру. – Тебя досконально обследовали врачи и не обнаружили признаков психического заболевания, ни малейших намеков на раздвоение личности. Ты просто устала. Не следовало сразу после возвращения из комы впрягаться в работу и съемки. Это огромная нагрузка даже для слона.

– Я хочу сказать всем: никогда не сдавайтесь! – пылко воскликнула Орлова. – Мой гражданский долг дарить людям надежду. Но в последнюю неделю меня замучили сомнения. Вдруг я не все вспомнила?

– А что говорят близкие люди? – заинтересовалась я.

– Они уверены в моем полнейшем выздоровлении, – сказала Вера, – но я в растерянности. Неделю назад впервые поехала к Ларисе Хабаровой. Слышала о ней?

Я отрицательно помотала головой.

– Неужели? – удивилась Вера. – Хабарова – лучший кондитер России, работает дома, печет торты по спецзаказу, может воплотить любую прихоть клиента. Я хотела предложить Ларе эксклюзивный контракт, не могу тебе о нем рассказать. Это коммерческая тайна, да и не о том речь. Вошла в подъезд и понимаю: я здесь бывала! Точно! Измучилась, но ничего не вспомнила, а внутренний голос шепчет: «Ох, и плохие дела тут творились!»

Я решила успокоить излишне эмоциональную Веру:

– Дежавю. Почти со всеми такое случается. Попадешь в незнакомое место, а кажется, что уже посещала этот дом, сад, магазин. Не переживай, обычное дело.

– Запертая дверь, – в задумчивости произнесла Вера. – Вероятно, в моем прошлом скрыты тайны, о которых никому, кроме меня, не известно.

– У всех есть секреты, о коих не кричат на всех углах, – сказала я. – Знаешь, некоторые запертые двери не стоит открывать. Перечитай сказку про Синюю Бороду! Не залезь любопытная жена в тайну мужа, жили бы они счастливо.

Вера усмехнулась.

– Ага! С кучей трупов бывших супружниц в чулане!

Я не нашла, что сказать в ответ.

Орлова наклонилась и неожиданно перескочила на новую тему:

– Представляешь, я купила в Париже в магазине «Полетт» ботильоны, а у них отвалилась кожаная петелька, за которую надо дергать, чтобы «молнию» закрыть. Очень неудобно получилось! Полусапожки от «Трада», дорогие. И пожалуйста!

– Непохоже на «Полетт», – охотно поддержала я ее. – Знаю этот культовый бутик, там тщательно следят за качеством. Может, тебя обманули? Сказали, что обувь из «Полетт», а на самом деле это подделка?

– Я сама их на улице Фобур Сент-Оноре покупала, – вздохнула Вера. – Ладно, не стоит расстраиваться по мелочам. Надо подобрать кожу подходящего цвета и сделать новую петельку. Пусть это будет моей самой крупной неприятностью на следующие десять лет.

– Думаю, ты полностью исчерпала лимит бед, которые человеку предначертаны судьбой, – быстро подхватила я, – теперь у тебя все будет хорошо.

Вера усмехнулась:

– Верно.

Я хотела встать, но случайно уронила полотняную салфетку, нагнулась за ней, увидела, что у ботильонов Орловой расстегнута «молния», выпрямилась и сказала:

– Поправь застежку на ботиночках, а то упадешь или нога подвернется.

Вера приподняла ногу и повертела в разные стороны ступней. Я заметила в углублении под каблуком небольшую голографическую наклейку и поняла, что Вера действительно купила ботильоны в магазине «Полетт». Там всегда на подошву приклеивают такую бумажку.

– Очень неудобно без петельки, – вздохнула Вера и начала дергать «молнию», – такая ерунда, а без нее никуда.

Глава 6

Домой я приехала поздно, и меня чуть не свалила на пол прыгающая от счастья Афина. Собачища скакала, высоко поднимая длинные передние лапы, а потом в порыве восторга водрузила их мне на плечи.

– Дорогая! – возмутилась я, увидав прямо перед своим носом мохнатую морду. – Ты весишь больше меня, я сейчас упаду на спину!

Афина вывалила язык и одним махом слизала у меня со щек, лба и носа весь макияж.

– Потише, – велела я, уворачиваясь от любвеобильной Фины. – Фу, чем ты пахнешь?

– Чеснок, – заявил Гектор, выходя из-за угла коридора, – гадость, дрянь!

Я покосилась на ворона. До знакомства с Гектором я и не подозревала, до какой степени умны эти птицы. Или мне случайно достался Конфуций в перьях? Гектор способен произнести много слов, причем он не передразнивает вас, а говорит осмысленно. Но ум не сделал ворона интеллигентным, не мешает ему издеваться над Афиной. Собака вымахала до размеров хорошо откормленного пони, но в голове у нее заключен крохотный мозг, который, на беду, еще и плавает в тормозной жидкости. Фина приветлива, позитивна, весела, любит всех и вся, но вот с соображением у нее плоховато. Гектор не упускает момента клюнуть простоватую подругу в темечко и с укоризной произнести:

– Дура!

Афина не обижается, похоже, она считает это слово комплиментом, и в ответ на грубость усиленно машет хвостом.

Гектор отчаянный ябеда. Вот сейчас он поставил меня в известность о мелком хулиганском поступке, который не первый раз совершает псина. Афина обожает чеснок (согласитесь, немного странное пристрастие для собаки). Едва я выйду за порог, Фина рулит в кладовку, носом открывает плетеную корзину, вытаскивает пару головок чеснока и сжирает. Полакомившись от души, негодяйка топает в мою спальню, где укладывается отдохнуть на кровать. Представляете, какой аромат потом исходит от подушек? И ведь псина знает, что ей запрещено ходить в чулан, но, тем не менее, нарушает приказ. Бесполезно прятать от Афины чеснок, она его всегда находит. Я должна не ругать глупую собаку, а запирать дверь в комнату с припасами. Но, увы, я частенько убегаю, позабыв про щеколду.

– Чеснок, – четко повторил Гектор.

– Боишься, что я не пойму, как набезобразничала твоя подруга? – усмехнулась я. – Сигнализируешь о чужих проступках? Ябеде первый кнут.

Гектор развернулся и молча удалился в кухню. Вот скажите: почему ворон, умеющий летать и самозабвенно парящий над садом в момент прогулки, передвигается по дому исключительно на двух лапах?

Я последовала за доносчиком в кухню, хотела наполнить чайник и увидела, что раковина заткнута пробкой, а из крана капает вода. Надо вызвать мастера, поменять прокладку, но у меня в связи со съемками нет свободного времени днем. Ну скажите, почему слесари, электрики, телефонщики и иже с ними работают в то же время, что и жильцы? Если в вашей квартире прорвало трубу, придется отпрашиваться со службы, чтобы устранить протечку. На мой взгляд, логично изменить расписание работы коммунальщиков, пусть ходят по вызовам с пяти до восьми утра, а затем с семи до одиннадцати вечера.

Я уставилась на воду, в которой плавали корки черного хлеба и куски яблока. Дашенька, в каком состоянии ты находилась перед отъездом в телестудию? Отчего тебе пришло в голову заткнуть сливное отверстие да еще смахнуть в раковину остатки завтрака? Хорошо, что вода не перелилась через край на пол!

Я выдернула пробку и удивилась еще раз. Вроде я ела на завтрак йогурт, не делала бутербродов, и мне не свойственно грызть утром фрукты, обычно я лопаю их на ночь!

Но долго задаваться вопросами мне не пришлось, Афина загремела пустой миской, и я поспешила к холодильнику за банкой собачьего корма.

На съемку я приехала ровно в девять утра, быстро надела платье и села в кресло к гримеру.

– Эй, не та одежда! – воскликнула Таня.

– Все правильно, – возразила я, – сегодня должны доснять финал с Орловой, поэтому я и сижу в ужасном розовом наряде с колючими пайетками.

– Ох уж эта Ядвига! – забурчала Татьяна. – Вечно все забывает. В десять делаем проходной сюжет, Вера явится к полудню, давай натягивай оранжевый прикид.

Я покорно потрусила к стойке с вешалками. Кроме основной темы, в передаче есть несколько небольших сюжетиков, ими разбавляют шоу, чтобы оно не показалось зрителю монотонным. На две-три минуты на экране появляется человек, который спешит поделиться небольшим рецептом. Но упомянутые «две-три минуты» иногда снимают несколько часов.

Похожая на апельсин, сверкая свежим макияжем, я с приклеенным скотчем «ухом» села в кресло и удостоилась комплимента от Димы:

– Шикарно выглядишь!

– Ты тоже, – сказала я ответную любезность. – Где сценарий?

– У Ядвиги, – хмыкнул Дмитрий. – Только не спрашивай, куда умотала девчонка!

– Не буду, – сказала я и увидела Ядю. Та неслась к нам, сжимая в руках кипу листочков.

– Прогресс, – не замедлил съязвить Дима, – до начала съемок целых три минуты, а текст уже на месте!

Я взяла свои бумажки и прочитала на первой: «Вставка в сюжет про Орлову. Волшебный антиалкогольный камень. На площадке Галина и Сергей Родкины. Она его отучила от водки народным способом дедушки Лукьяна. Продемонстрируют в эфире. Пишем лайф. Вопросы Дарьи на ее усмотрение. Дмитрий не участвует».

Загадочное слово «лайф» означало, что блок предполагают снимать без остановок.

– Готова? – спросило женским голосом «ухо».

Меня затопила радость. Слава богу, сейчас мной руководит не напористый Олег, на рабочее место вернулась интеллигентная Ксюша. И вот парадокс: Олег вечно топает ногами, возмущается и орет «тише» таким тоном, что я испытываю желание купить себе памперсы, но у него съемочный процесс проходит из рук вон плохо, а Ксю очень деликатна, вежлива, никогда не повышает голоса, и у нее все идет как по маслу. А еще Ксения настоящая красавица и умница, как, впрочем, и ее сестра Тата, которая командует людьми на съемочной площадке.

Словно в подтверждение моих мыслей, с потолка раздался голос Таты:

– Героев на место, проверьте реквизит, стол, внимание, начинаем, тридцатисекундная готовность.

– Даша, поехали, – сказала Ксения.

Я уставилась в черный глаз камеры и зачастила:

– Ну, а сейчас настало время рубрики «Совет не постороннего человека». У нас в студии находятся Галина и Сергей Родкины, и они готовы рассказать вам нечто интересное. Ну, кто первый?

– Молодец, – шепнула в ухо Ксюша.

Я ощутила прилив благодарности. Ничего особенного не сделала, всего-то произнесла написанный сценаристом текст, но Ксю меня приободрила.

– Я, – подскочила Галина, – в нашем доме завсегда я разговоры веду, Серега не умеет.

– Угу, – кивнул муж.

– Значитца, квасил мой мужик без продыху, – затарахтела Галя, – с армии начал! Ждала его честно, думала, поженимся, детей заведем, а он как дембельнулся, с дураками товарищами загулял! И поехал, и помчался на быстрых конях в пьяную степь!

Я постаралась не засмеяться.

«Ухо» слегка затрещало.

– Не останавливай ее, – попросила Ксюша, – смешно говорит, живо, сразу понятно, это оригинальный текст, не сценарий. Пусть продолжает, не смущай ее.

А Галина и не собиралась останавливаться.

– Сначала охламоны пиво с водочкой кушали, потом те, кто поумней, заливать зенки бросили, работать хорошо стали, машины купили, мебель, ковры, шубы своим бабам. А мой! Ваще алканавт без башни! Со службы его поперли, покатился сухим листом в навоз!

– Поэтичное сравнение, – прокомментировало «ухо» голосом Таты.

– Перешел Серега из-за отсутствия средств на аптеку, – излагала Галя.

– Заболел? – неожиданно участливо поинтересовался Дмитрий, которому в этом эпизоде полагалось молчать.

– Да он здоровее чугунной гири! – объявила Галя. – Начал настойки хряпать: боярышник, валерьянка, пустырник.

– Они на спирту! – понимающе кивнул Дима.

– Во! – подняла вверх палец Родкина. – Теперь ответьте! За фигом государство разрешает их выпускать? Соблазняет слабовольных мужиков! Есть таблетки, жрите их, люди больные, не хрена спиртягу глотать. А хозяйственный магазин? Тама еще круче! Стеклоочиститель! Незамерзайка! Лак для паркета! Мастика полировочная!

Дима подпрыгнул в кресле.

– Простите, я не стану объяснять, насколько вредно для здоровья употребление внутрь бытовой химии. Хотя чисто теоретически могу представить, что пью лак для пола или раствор для удаления масляной краски. Это жидкости. Но мастика походит на сыр, ее нельзя выпить!

– Необученный ты, – вздохнула Галина. – А дрель на что?

Настал мой черед удивляться.

– Прибор, с помощью которого дырявят стены?

– Ага, – подтвердила Галя. – Берем сверло, опускаем в мастику, включаем дрель, вжик-вжик: твердая часть на железяку намотана, а та, что мозг дурманит, типа спиртяга, отдельно плещется!

– Креативно, – крякнул Дима.

– Ну так! – гордо произнесла Галя. – Мозг у Сергея хороший, жаль, не с того конца заточен.

– Еще можно табуретовку сварить, – неожиданно подал голос ее муж.

Мы с Димой разинули рты, а Сергей, заметив ненаигранное изумление ведущих, решил поделиться с нами рецептом:

– Берешь меблю, ломаешь на мелкие кусья, штоб в кастрюлю легли, и кипятишь до мягкости. Потом хлебанешь супчику. Эх, забирает! Вштыривает лучше, чем от покрышек!

– Покрышек? – хором произнесли мы с Дмитрием.

– Небось коньячок в магазинах берете? – участливо спросил Сергей. – Я не осуждаю вас за транжирство. Вы богатые, при славе, вам в супермаркет дорога. А куды итить простому человеку, государством обворованному, хозяином завода, олигархом наказанному? А? Я скажу! Прямиком на авторынок. Тама добываете ошметок покрышки и готовите из него в скороварке винцо под названием «Гонщик Спиди». Почему гонщик? Как оно тебя погонит! Аж за ушами трещит!

– Останови парня, – попросила Ксюша. – Верни к теме излечения от алкоголизма народным способом. А то пока получается программа «Сто рецептов табуретовки».

– Галина! – громко сказала я. – Вы отчаялись справиться с пристрастием мужа к спиртному. И после того, как лечение у нарколога никакого результата не дало, обратились к деду Лукьяну.

– Не, не так! – возразила Родкина. – За чертом к докторам на поклон идти? Какой толк? Я сразу к дедушке на двадцатый год Сережкиного пьянства пошла! Измылил он мое терпение.

Я попыталась найти смысл в заявлении «сразу к дедушке на двадцатый год Сережкиного пьянства пошла» и решила не заострять на нем всеобщее внимание. Либо сразу, либо через двадцать лет! Но у Галины своя логика.

– Дед продал мне антиалкогольный талисман! – гаркнула Галя.

Я обрадовалась: наконец-то разговор вырулил на верную дорогу.

– Знаю, что вы принесли амулет в студию. Можете его показать и пояснить, как он действует? – спросила я.

– Легко, – кивнула Галя, вскочила на ноги, пнула мужа, схватила его за руку и подтащила к большому столу, где на рулоне серого упаковочного скотча лежали ножницы.

Я встала, наученная Ксюшей, заняла место справа от Сергея и поинтересовалась:

– Где же волшебное средство?

– А в моей сумке! – визгливо пояснила Родкина. – Не хотела дорогую вещь на виду бросать. Вона!

Короткопалой рукой Галина открыла полотняный мешок, который висел у нее на плече, и вытащила оттуда два кирпича.

– Вау! – взревел Дима. – Я думал, талисман маленький, вроде медальона.

– Как они работают? – спросила я.

– А ну, ложи грабли! – приказала Галя.

Сергей покорно водрузил руки на столешницу. Галина схватила скотч и уверенно примотала кирпичи к запястьям супруга.

– По первости вы их притачиваете, – нараспев говорила она, – а потом заклинание читаете, главное, чтоб уверенность в душе была, настрой на исцеление, иначе способ не сработает. Ща, записывайте за мной: «У острова Буяна живут два дурмана. Нехай они себе мою беду забирают и никогда не отпускают. Тьфу, тьфу! Крепко-накрепко заперто. Ключ в коробке, коробка в лягушке, лягушка в море Лаптевых у острова Буяна. Тьфу, тьфу, помоги, отведи». Во!

Галина трижды плюнула на кирпичи. Сергей опустил руки.

– Все? – не поняла я.

– Ага, – кивнула Галина, – снимаете оберег, когда мужик пить бросит. Отказался от стакана – нету талисмана. Мой через день зарыдал, потом трое суток молчал, спустя неделю трезвый ходить стал. Работает талисман. Одно условие: вы его ни на секунду не убираете!

– Спите с кирпичами, завтракаете-обедаете, моетесь? – уточнила я.

– Усе делаете! – закивала Галя. – Даже в сортир с ними шастаете! Отвязываете после полнейшего отказа от алкоголя.

– Мужественный человек, – дрожащим голосом произнес Дмитрий. – Я б и часа не выдержал, отвязал бы и выбросил.

Галина подняла огромный кулак и продемонстрировала его доктору.

– Эвон! У меня не забалуешь! Я за антиспиртовой амулет десять тысяч рублей отвалила! Заплочено – пользуйся. Моего колбасило по-черному, но я не сдалась! Или пьешь с талисманом, или по-хорошему бросаешь!

Я не смогла остаться равнодушной.

– Дед Лукьян, однако, бизнесмен. Кирпичи легко найти на строительном рынке за копейки, а если хорошо попросить, так две штуки и бесплатно дадут!

– Экая ты быстрая, – укорила меня Родкина. – А наговор? Еще дедушка лекарство свое особой водой зарядил, заговор над ним прочитал и секрет мне открыл. Вот про него не скажу,

это тайна. Охота узнать, катите к дедуле, он милосердный, никому не отказал, всем помогает. Серегу пить как отрубило. Работает на бензоколонке, хорошие деньги получает. В понедельник мы палас купили. Боритесь, бабы, за своих мужиков! Побеждайте пьянство с помощью деда Лукьяна, дай ему Господь добра побольше.

Глава 7

– Видал я идиоток, – сказал Стас, отстегивая микрофон. – Но такую, как Галина, не встречал! Примотать к мужу кирпичи!

– Но ведь помогло! – воскликнула Таня, завивая мои волосы на щипцы. – Что скажешь, Даша?

Я предпочла промолчать. Слава богу, на этой фазе разговора в гримерку вошла Тата и, отбросив на спину густые, на зависть красивые длинные волосы, объявила:

– На сегодня все!

– Супер! – взвизгнула Татьяна.

– У нас съемка финала с Верой, – напомнила я.

– Откладывается на завтра, – вздохнула Тата, – героиня заболела. Вроде простудилась. Звонил муж, сказал, у Орловой температура.

– Вот здорово, – ликовала Таня, сгребая в кофр коробочки с гримом. – У моей лучшей подруги сегодня свадьба, успею в ресторан.

– Тата, дай мне телефон Орловой, – попросила я.

– Записывай, – ответила девушка, – хочешь с ней поговорить?

– Мы вчера долго болтали после съемок, – объяснила я, – вроде подружились, надо ей звякнуть, спросить про самочувствие.

– Заодно намекни Вере, что нам не с руки задерживать программу, – попросила Тата. – Пусть не залеживается.

– Непременно, – пообещала я и начала переодеваться.

Мобильный Орловой твердил про недоступность абонента, трубку домашнего телефона сразу снял Константин.

– Добрый вечер, – вежливо сказала я.

– Ну наконец-то, – выпалил Орлов, – сколько ждать можно! Петр Сергеевич обещал, что вы перезвоните утром! Гляньте на часы! Обед уже! Балалайкин вас характеризовал как свою лучшую сотрудницу, и...

– Простите, это Даша, – попыталась я остановить Константина, но он вновь перебил меня:

– Отлично. Где встретимся? Лучше в центре!

Я воспользовалась короткой паузой и пояснила:

– Это Даша с телевидения. Ведущая программы «Истории Айболита»!

– А-а-а, – разочарованно протянул он, – рад вас слышать.

– Можно Веру? – попросила я.

– Она спит, – сообщил Константин, – у нее голова болит.

Я от всего сердца посочувствовала бизнесвумен.

– Вот бедняжка, я сама мучаюсь мигренью, понимаю, каково вашей жене.

– Верушка простудилась, – пояснил Костя.

– Передайте ей мои пожелания побыстрее выздороветь, – попросила я и сунула телефон в карман, но он сразу затрезвонил. На дисплее высветились слова «Яцек Потоцкий».

– Ты отправила вчера ко мне тетку, – как обычно, забыв поздороваться и задать вопрос «как дела?», зачастил Яцек, – где она сейчас? Мобила не отвечает. Странно! Она так нервничала, торопила меня, утром в неприличную рань помчалась к Надежде, с дороги мне звякала...

Я попыталась остановить Яцека.

– Какая Надя? Вера простудилась и спит дома, она даже не смогла приехать на съемку! Из-за нее у нас простой!

– Ничего про болезнь не знаю, – уперся Яцек, – но около шести утра твоя Орлова направилась к Наде, заплутала в переулках, я ее по телефону инструктировал, как доехать, слышал, как Надюха крикнула: «Кто там?» Ну и обрадовался!

– О какой Надежде идет речь? – спросила я.

Яцек с пулеметной скоростью начал сыпать словами. Ювелиров принято считать обстоятельными людьми, которые молча работают с металлом и камнями. Но к Яцеку такая характеристика совершенно не подходит. Потоцкий ураган, не ходит, а носится, громко и быстро разговаривает, производит много шума, крайне активен и одновременно, вот уж странность, усидчив. Если клиенту необходимо срочно изготовить перстень или браслет, Потоцкий не разогнет спины, пока не выполнит заказ. Он дотошен, методичен и очень талантлив. Яцек часто тараторит на предельной скорости, и тогда вы улавливаете из его речи лишь отдельные слова, но не понимаете смысла. Вот и сейчас он трещал сорокой:

– Давно еще, делал, много, шикарно, она удивилась, дал номерок, но решила, так как! – уловило мое ухо.

– Дорогой, – нежно попросила я, – остановись, помолчи секунду.

Яцек послушно выполнил просьбу.

– А теперь начни заново, – велела я, – не спеши.

– Вечно меня одергивают, – обиделся Яцек, но подчинился.

Я наконец-то получила возможность разобраться в произошедшем.

Вчера, ровно в одиннадцать вечера, Вера приехала к Яцеку, показала ему на ноутбуке фото кольца и спросила:

– Можете сделать копию?

– С полпинка, – ответил ювелир.

– Вещь нужна срочно, – уточнила заказчица, – и она должна повторять оригинал в мельчайших подробностях. Вместо бриллианта подберите любой камень, который, на ваш взгляд, лучше всего его сымитирует. Потом заменю эрзац на настоящий.

– А где Надя? – спросил Яцек. – Надеюсь, с ней все в порядке?

– Какая Надя? – не поняла Вера.

Потоцкий указал пальцем на экран.

– Я делал это кольцо для нее пару лет назад. Больше Надюша мне не звонила, а сейчас вы пришли. Постойте-ка! Вас же ко мне направила Даша Васильева? Что с Надей? Можете не отвечать! Я догадался! Она умерла? Передоз? Говорил я ей, бросай наркоту. Но вам-то зачем ее колечко? Копия копии? Подобного заказа я еще не получал.

Вера стукнула кулаком по столу.

– А ну перестань стрекотать! Объясни по-человечески! Я о Наде никогда не слышала!

Яцек смутился и примолк, но Вера заставила ювелира сказать правду. Лет пять назад к Потоцкому пришла клиентка, девушка лет двадцати, назвалась Надей, принесла крупную брошь и попросила:

– Сделайте копию.

Яцек выполнил заказ, Надежда заплатила за работу и ушла. Спустя несколько месяцев она объявилась вновь, на сей раз с браслетом из платины с изумрудами. Потоцкий снова не ударил в грязь лицом, и Надя вскоре примчалась с рубиновыми серьгами.

Когда Яцек в очередной раз открыл постоянной заказчице дверь, она икнула, покачнулась и, сев на пол, сказала:

– У тебя паркет пляшет, как палуба на теплоходе.

От Нади не пахло спиртным, зато она постоянно шмыгала носом, чесала его обеими руками. Яцек понял: девица нюхает кокаин, и прямо спросил:

– Зачем тебе копии ювелирки?

– Я плачу деньги и не желаю расспросов, – заявила любительница волшебного порошка.

Яцек заявил:

– Проваливай. Не хочу вляпаться в криминальную историю. Где наркота, там беда.

– Ну ладно, – испугалась Надя, – я не воровка. Драгоценности принадлежат моей матери, она их сама покупала, не на чужие деньги приобретала. Любит мамахен камушки и ни в чем себе не отказывает. Бабка моя никакого отношения к деньгам своей дочери не имеет, они с мамахен не ладили, вечно цапались. Но когда у муттер инсульт случился, бабка живехонько в ее счета лапу запустила, брюлики матери присвоила. Вот я и придумала феньку, таскаю потихоньку у старухи драгоценности, делаю копии, кладу в ее захоронку, а себе подлинник забираю. Цацки завещаны мне, а не бабке. Коксом я не увлекаюсь, первый раз нюхнула, очень устала, бегаю между больницей и работой, а дома бабахен концерты закатывает. Она энергетический вампир, если никого за день не уконтрапупит, потом давлением мучается.

Яцека объяснение удовлетворило, он впоследствии сделал для Нади еще несколько копий разных украшений. Последней работой стало это кольцо.

– Ты уверен, что именно оно? – мрачно уточнила Вера.

Потоцкий взял с полки альбом, перелистал его и продемонстрировал заказчице фото.

– Я помню все свои работы, всегда делаю снимок готового заказа. С этим кольцом вышла одна странность. Раньше Надя оставляла вещь, которую следовало повторить, на все время моей работы и никогда не торопила меня с выполнением. А тут дала мне колечко и конкретно сказала: «Сфоткай его. Подлинник заберу. Надо сделать копию через день».

– Ну и как? Ты справился? – спросила Вера.

– Я ни разу не подвел клиента! – гордо воскликнул ювелир. – Изловчусь и сделаю.

– Можно посмотреть все, что она тебе приносила? – попросила Орлова.

Яцек не нашел причин для отказа и показал Вере снимки. Она сказала:

– Дай мне телефон Нади. Украшение мне нужно срочно, лучше всего прямо сегодня. Может, Надежда согласится продать свою копию? Я тебе хорошо заплачу за ее номер.

Яцек отверг деньги.

– Я не торгую контактами, записывай.

Сегодня в шесть утра Орлова позвонила Яцеку и спросила:

– Ты бывал у Нади дома?

– Да, – ответил ошарашенный столь ранним звонком Потоцкий, – пару раз сам привозил ей работу.

– Никак не могу найти ее дом, – воскликнула Вера, – адрес непонятный! Улица Бурцева, дом десять, корпус восемь, строение четыре «а»!

Яцек засмеялся.

– Да уж! Без пол-литра не сообразить. Езжай по маленькому переулку, заверни за булочной налево и упрешься в двухэтажный сарай. Тебе надо подняться снаружи по железной лестнице.

– Не вешай трубку, – попросила Вера, – я вижу лавку с хлебом.

– Ты на правильном пути! – обрадовался ювелир. – Ищи барак.

В конце концов Яцек услышал восклицание: «Кто там?», Орлова поблагодарила его за помощь и отсоединилась.

– Во сколько ты с ней общался? – насела я на Яцека.

– Где-то в районе шести, – повторил Потоцкий, – а что?

Я быстро произвела в уме расчеты.

– Ничего. Говори координаты Нади, телефон, адрес, все, что знаешь!

Хорошо, что Яцек, рассказывая о звонке Веры, упомянул про пекарню, возле которой следовало повернуть, иначе я никогда бы не нашла злополучное строение четыре «а». Убогий, покосившийся домик прятался на задворках шумной улицы. Мне пришлось бросить машину около небольшого магазина и идти пешком. Вероятно, пару лет назад к бараку можно было

подъехать с комфортом, но сейчас повсюду виднелись шлагбаумы, запертые на замки. Аборигены старались отгородиться от варягов, желающих запарковаться в их дворах.

Надя распахнула дверь и сразу заговорила:

– Принесла? Ты по телефону обещала заплатить деньги, если я расскажу про Веру.

– Вся сумма со мной, – кивнула я.

– Давай! – оживилась женщина.

– Что, прямо на пороге беседовать будем? – улыбнулась я. – Дует сильно, на улице февраль, впусти в квартиру.

Надежда посторонилась.

– Входи, топай на кухню.

Я вошла в грязное донельзя помещение и не удержалась от замечания:

– Ну и ну! Надо мыть посуду и подметать пол хоть раз в пятилетку!

– Ты что, из санэпидемстанции? – окрысилась Надя. – Гони бабло!

– Сначала ответь на мои вопросы, – не согласилась я.

– Нашлась хитрая! Все расскажу и получу фигу, – не уступила Надежда, – мне деньги нужны.

– Похоже, ты не работаешь, – констатировала я, – давно сидишь на наркотиках?

– Какая разница? – разозлилась хозяйка. – Ты Красный Крест вместе с полумесяцем? Или пришла мне помощь оказать? Хочешь чего узнать – отслюнивай хрустики! За бесплатно воробьи чирикают, а я другая птица.

– Дам тебе половину суммы, вторую часть вручу после рассказа, – предложила я.

– По рукам! – живо согласилась Надежда.

Я открыла кошелек, собеседница алчно посмотрела на купюры. После того как ассигнации оказались у Нади, она сказала:

– Я честная. Все-все объясню! И фотки покажу!

– Какие? – удивилась я.

– Интересные, – прищурилась Надя, – жди тут, не люблю, когда по квартире посторонние шастают.

Я покорно замерла на деревянной табуретке, срубленной, похоже, в те времена, когда человек изобрел один топор. Надя вышла из кухни.

Я не умею петь, совершенно лишена дара запоминать и воспроизводить мелодии, но обычный, не музыкальный слух у меня острый. Поэтому я уловила характерный скрип, сообразила, что Надя открывает входную дверь, бросилась в прихожую, успела схватить нахалку за куртку и, втянув ее назад, спросила:

– Ты куда?

– Торт к чаю купить, – не моргнув, соврала Надя, – тебя угостить хочу.

– Ну спасибо, – съехидничала я, – давай обойдемся без китайских церемоний. Шагай назад.

Очутившись на кухне, Надя села на стул и сказала:

– Не хочешь кофе, слушай так.

– Начинай, – велела я.

– Спрашивай, – сказала хозяйка.

– К тебе сегодня утром приходила Вера. Что она хотела? – Я сразу задала главный вопрос.

Надежда скривила губы.

– Выложила передо мной фотки. Две бабы и мужик. Велела сказать, кто из них давал мне драгоценности, чтобы копии у Яцека сделать. Я честно на дядьку указала. Зачем мне его покрывать? Саша врал, оказывается.

– Ты приносила Потоцкому чужие вещи, не мамины? – на всякий случай уточнила я. – Обманула ювелира, рассказала ему сказочку про злую бабушку?

Надя не смутилась.

– Мне деньги были нужны, а Саша платил.

– Где ты его встретила? – насела я на Надю.

– Он в нашем супермаркете еду раньше покупал, – пояснила она, – я на кассе сидела, Саша всегда дорогие продукты выкладывал. Сыр французский, вино итальянское, колбаса копченая, шоколад швейцарский. Я все думала, повезло ж кому-то! Парень с большими средствами, на классной иномарке!

– Даже машину рассмотреть ухитрилась, – не выдержала я.

– Моя касса была у окна, – продолжала Надя, – и тачка у Саши яркая – оранжевый «Порше». Не захочешь, а заметишь, она среди остальных черно-синих телег сразу выделялась, была самой дорогой.

Я польстила, решив наладить контакт с хозяйкой:

– Ты наблюдательная.

– Да! – с достоинством подтвердила Надя. – Очень! Мигом сообразила, что Саша с бабой живет, но они не расписаны!

Глава 8

– На чем основывалась твоя уверенность? – подхватила я удачно завязавшуюся нить беседы.

Надежда снисходительно хмыкнула.

– Если у парня семья, ему список покупок дадут, в корзинке у него будут крупы, макароны, молоко, мясо, чтобы обед сготовить, овощи всякие. А у Саши были сплошные деликатесы.

– Вероятно, супруги ждали гостей, – подначила ее я.

Надя заморгала.

– Несколько раз в неделю? Сколько же они зарабатывают, что вечеринки постоянно устраивают? И для гостей двести граммов колбаски маловато. Нет, он к любовнице ходил, ананасы ей носил!

– Вдруг мать навещал? – не согласилась я. – Баловал старушку-пенсионерку.

Надя покрутила пальцем у виска.

– Ты того, да? У мумий здоровья нет, им один геркулес да гречку можно жракать! Я все на этого Сашу смотрела, а потом решила, что такой шанс не стоит упускать, и сказала: «Похоже, девушка вас не ценит!»

Покупатель окинул кассиршу цепким взглядом и миролюбиво ответил:

– Ошибаетесь, Надежда, я приобретаю еду исключительно для себя, один живу.

– Совсем-совсем? – кокетливо уточнила Надя и поправила на блузе бейджик с именем.

– Абсолютно, – с напускной грустью подтвердил покупатель.

Стрелки часов супермаркета перевалили за полночь, в магазине никого не было, и Надя продолжила беседу:

– Может, вам кто и поверит, но не я! Еще скажите, что ваш дом на другом конце Москвы.

– Точно! – кивнул покупатель. – Я работаю неподалеку, в моем районе круглосуточных супермаркетов нет, приходится через весь город пакеты с едой возить.

– Хотите, объясню, как я поняла, что вы врете? – предложила Надя.

– Попробуй, – перешел на «ты» он.

Кассирша кивнула на покупки.

– Мороженое, пирожные, вино сладкое, сыр с плесенью, хрустящие хлебцы. Набор не для мачо.

– А копченая колбаса и коньяк? – улыбнулся незнакомец. – У меня такой вкус! Обожаю сладкое.

Надя указала на плоскую пачку.

– И курите бабские сигариллы со вкусом ванили и корицы? Да любого парня от них стошнит.

– Отвыкаю от вредной привычки, – нашелся собеседник. – Меня зовут Саша, а ты, судя по значку, Надя? Да, Надежда, не стать тебе следователем по особо важным делам. Некоторые мужчины едят конфеты.

Надя улыбнулась.

– Нет. Вы идете к бабе. Она живет в двух шагах от магазина. Если человеку предстоит долгий путь с харчами, он для мороженого специальный пакет из фольги просит, за пять рублей сумку льдом набьет, пломбир не растечется.

Саша опять нашелся:

– Не знал об этой услуге, в следующий раз непременно ею воспользуюсь.

Надя расхохоталась.

– Значит, сегодня попрете так? Нехай брикет плавится? И зачем вам, одинокому, вон тот прибамбах?

Палец ее уперся в упаковку презервативов. Саша засмеялся, схватил уже оплаченную коробку дорогущих швейцарских конфет и протянул ее Наде.

– Молодец. Уела! Выпей после работы чаю!

Надя не взяла подарок.

– Спасибо, за конфеты заплачено сто долларов. Мне лучше деньгами.

Саша достал бумажник и положил на резиновую ленту зеленую купюру. С тех пор он всегда приветливо здоровался с Надюшей и непременно оставлял ей некоторую сумму на чай.

Где-то через полгода Саша перестал заглядывать в супермаркет, и Надя поняла: он поругался с любовницей. Кассирше стало грустно. В глубине души она надеялась, что рано или поздно встретит принца на белом коне, который выкрадет ее из супермаркета, отвезет в замок и предложит выйти за него замуж. Саша отлично годился на эту роль, правда, вместо рысака имел оранжевый «Порше», но в наше время автомобиль предпочтительнее скакуна. Очевидно, Надя не произвела на Сашу должного впечатления, раз богач, расплевавшись с любовницей, не вспомнил про бойкую на язык кассиршу.

Через месяц как-то вечером Надя, одурев от работы, автоматически нажимала на кнопки кассы. От мельтешения продуктов ее слегка подташнивало. Кефир, молоко, яйца, капуста, молоко, яйца, капуста, кефир, яйца, капуста, кефир, молоко… швейцарский шоколад, сыр с плесенью, копченая колбаса, коньяк!

Надя оторвалась от экрана компьютера и первый раз за пару часов взглянула внимательно на покупателя. Она давно научилась смотреть в лицо человека и не видеть его, но на сей раз сфокусировала взгляд и воскликнула:

– Саша!

Тот кивнул.

– Привет. Ты через пятнадцать минут заканчиваешь работу. Я подожду в машине.

Представляете, как долго тянулось для Надежды время? Она еле дождалась появления сменщицы и кинулась на улицу.

Оранжевого «Порше» на парковке не было, Надя расстроилась – вдруг Саша подшутил над ней? Но тут новый темно-синий «Мерседес» коротко гуднул, тонированное стекло дверцы водителя поехало вниз, и показалось лицо Александра.

– Забыл сказать, я поменял тачку! Заныривай!

Надежда села в роскошную иномарку, Саша безапелляционно заявил:

– Едем к тебе!

Кассирша испугалась.

– У меня не убрано.

– И чего? – засмеялся Александр.

Увы, отношения у них развивались не так, как рассчитывала Надежда. Саша выпил чаю, съел пару бутербродов и не стал распускать руки. Он предложил кассирше:

– Хочешь денег? Буду платить тебе за услуги.

Наде стало обидно.

– Если я торчу на кассе, то, по-твоему, проститутка?

– Мне не нужен секс, – поморщился Саша, – предлагаю деловое партнерство. Выполнение мелких поручений.

– Например? – насторожилась Надя.

Саша вынул из кармана коробку.

– Смотри, тут кольцо.

– Красота! – с завистью оценила его Надя. – Брюлики настоящие? – спросила она.

– Отвезу тебя к ювелиру, – продолжал Александр, не отвечая на вопрос. – Закажешь у него копию, потом заберешь заказ и отдашь мне. Это все. Двести долларов за услугу.

Большинство женщин задали бы вопросы и отказались от сомнительного предложения. Но Надежда всегда нуждалась в деньгах, поэтому воскликнула:

– Согласна!

– Тогда в путь, – потер руки Саша.

Визиты к Потоцкому стали постоянными, вручив ювелиру очередную драгоценность, Надя не спешила на улицу, где ее ждал в машине Саша, болтала с Яцеком и изо всех сил кокетничала с ним. Наденьке хотелось заиметь хорошего, интеллигентного, обеспеченного мужа, а на пути попадались сплошные обмылки. Яцек выгодно отличался от мужиков, окружавших Надю, но он не обращал на нее ни малейшего внимания, приветливо поддерживал пустую беседу про погоду, сплетничал о знаменитостях, но дальше трепотни дело не шло.

Зимой Надя упала и сломала ногу, Саша велел позвать Яцека домой, кассирша позвонила ювелиру, тот не стал ворчать, сам привозил ей готовые заказы, пока Надя мучилась в гипсе.

Потом все вернулось на прежние рельсы. Один раз Саша притащил Надюше кольцо с бриллиантом и велел:

– Не оставляй у ювелира украшение, пусть Яцек сфотографирует его или зарисует, а ты сиди и жди, пока он не отдаст подлинник. Копию пусть делает по картинке. Эй, очнись!

– М-м-м, – простонала Надя.

– Что с тобой? – заботливо осведомился Саша.

– Похоже, я заболела, – ответила кассирша, – давай отложим поездку.

– Это невозможно! Одевайся! – приказал Александр.

– Нет сил, – сказала молодая женщина, – на работе все слегли, я, наверное, тоже грипп подцепила. Шагнуть не могу!

Саша ушел, и Надя решила, что работодатель согласился отсрочить ее визит к ювелиру, но он быстро вернулся, протянул ей трубочку, подставил ежедневник, на обложке которого белела дорожка порошка, и отрывисто приказал:

– Нюхни!

Среди Надиных приятелей много алкоголиков, с наркоманами она не водится, но, естественно, в курсе, что на свете есть люди, для которых шприц – лучший друг. И никто из знакомых кассирши не употреблял кокаин. Этот стимулятор широко распространен среди золотой молодежи, журналистов, людей шоу-бизнеса, он дорог и не дает такого мощного кайфа, как героин. Кокаином пользуются не для того, чтобы улететь в мир глюков, а для бодрости, чтобы спеть не два концерта, а три, не спать ночь, плясать в клубе до рассвета. Многие ошибочно считают порошок невинной забавой, чем-то вроде энергетического напитка.

Надя послушно вдохнула порцию и ощутила прилив сил. Вялость исчезла, ноги перестали дрожать, в голове появилась ясность, мир предстал в ярких красках, настроение поднялось. Она быстро собралась и покатила к Яцеку.

Когда Потоцкий загремел замком, пол под ногами Надюши закачался, вздыбился и стал вести себя наподобие дикого мустанга. Около двух часов Надюша возвращалась в нормальное состояние, потом оклемалась и ушла. Через день кассирша забрала готовый заказ и более не встречалась с Сашей. Он ей не звонит, не приходит, словом, не появляется. При последнем свидании Александр дал Наде пакетик с белым порошком и посоветовал:

– Нюхай, когда устанешь, здорово помогает!

Надя помнила, какую странную реакцию вызвала у нее первая порция волшебного стимулятора, и решила им не пользоваться, но подарок взяла. Потом как-то так получилось, что кокаин пошел в ход, и сейчас Надюша без него уже не может обойтись.

– Нечего на меня как на наркоманку коситься! – возмутилась она, поймав мой осуждающий взгляд. – Героин я не колю! Всего-то кокс нюхаю! Детская забава!

– Можешь описать Сашу? – попросила я.

Надя протянула руку, сложила ладонь ковшиком и пропела:

– Мани-мани-мани! Гони вторую часть бабок. Плюс еще одну треть от суммы за портрет Александра.

Я покорно добыла из недр сумочки кошелек. Надюша спрятала мзду и начала отрабатывать гонорар.

– Он высокий, спортивный, за собой следит. Смотрится на сорок, но ему больше. Сколько, не знаю, небось в районе пятидесяти. Волосы красит, но не в черный цвет, как некоторые идиоты, а в темно-русый, явно посещает дорогой салон, поэтому цвет смотрится натурально. Уверена, он колет ботокс. На лбу ни морщинки, гусиных лапок нет, это же нереально! У каждого человека в середине жизни они появляются. Глаза серые, в носогубки у него, похоже, гель вкачан, но, опять же, не в дешевом салоне, классно сделано. Мужик с большими деньгами. Одежда, телефон, машина – все со вкусом и от лучших брендов. Я в этом хорошо разбираюсь. Парфюм элитный, маникюр он делает. Разговаривает, как адвокат, заслушаться можно. Часы у него разные, но все офигенные, даже предположить боюсь, сколько они стоят.

– Фамилию он тебе не говорил? – уточнила я. – Своего телефона, адреса не давал?

– Нет, – сказала Надя, – всегда сам звонил.

Я уже поняла, кто такой Саша, но продолжала допрашивать кассиршу:

– Как отреагировала Вера, когда ты указала на снимке мужчину?

Надя сказала:

– Она растерялась, расстроилась, сникла, пробормотала: «Не может быть, он не мог, ты ошибаешься». А я заявила: «Отлично знаю Сашу, ни с кем его не спутаю, копии ювелирки велел делать он». Она встала и говорит: «Ладно, поеду, проверю» – и ушла.

– Во сколько вы расстались? – спросила я.

Надя потерла пальцами виски.

– Ну... может... в шесть, полседьмого, офигеть, как рано было, точнее не скажу.

Я поблагодарила кассиршу и отправилась на улицу к своей машине. Наблюдательная Надюша дала очень точное описание Константина, супруга Веры. Муж бизнесвумен похож на плейбоя. Первая мысль, которая пришла мне в голову при виде Кости, – он посещает косметолога. Потом гример Таня сказала:

– Мужик у героини метросексуал. Ботокс во всех местах, гель закачан даже в щеки. Не удивлюсь, если он себе импланты в задницу вставил, чтобы ягодицам красивую форму придать.

Звукооператор Стас, присутствовавший при этой беседе, скривился.

– Гадость! Он пидор? То-то мне показалось, что у кента ногти блестят от лака. Фуу!

– Если мужчина следит за собой, он, по-твоему, обязательно гей? – накинулась Таня на Стаса. – Не все же моются раз в месяц, как некоторые! Не хочу называть имена вслух!

– Я грязнуля? – обиделся Стас.

– Ага, – подтвердила Татьяна, и разговор перешел на личности.

Я во время перерыва в съемках украдкой понаблюдала за Костей и пришла к выводу, что Танечка права. Лицо немолодого мужчины никогда не останется гладким. Супруг Веры явно посещал косметолога. Но разве это плохо? Если человеку хочется казаться моложе, то сейчас в его распоряжении есть для этого богатый арсенал: кремы, маски, уколы, лазеры, в конце концов, пластическая хирургия. Повторяю, молодиться не преступно. А вот хорошо ли, пока жена находится в коме, делать копии ее драгоценностей? И зачем они Константину? Живи он в бедности, я бы предположила, что он продает оригиналы, тратит в свое удовольствие вырученные деньги, а эрзац-украшения складывает в коробку – вдруг Наталья Петровна или Алена заглянут туда и удивятся отсутствию драгоценностей. Яцек отличный мастер, его работу не отличишь от настоящего изделия. И Константин ничем не рисковал, полагая, что жена никогда не выйдет из комы. Она богата, в средствах Костя не ограничен. Почему ему в голову пришла

подобная идея? Надо задать ему пару вопросов и начать с такого: «Если Вера лежит, по вашим словам, с гриппом, то как она сегодня утром очутилась у Надежды?»

Глава 9

Я вытащила мобильный, набрала домашний номер Орловых и услышала звонкий женский голос:

– Алло.

– Здравствуйте, Алена, – сказала я.

– Это Наталья Петровна, – прозвучало из трубки.

Я решила подольститься к старухе.

– Ох, простите, у вас голос юной девушки, поэтому я обозналась!

– Жаль только, что внешность карги, – отрезала пенсионерка, – кто звонит?

– Даша Васильева, ведущая шоу «Истории Айболита», – представилась я, – хочу поговорить с Костей.

– На предмет чего? – поинтересовалась собеседница.

– Вера не пришла на съемку, – зачастила я, – нам сообщили, что она вроде простудилась, мы беспокоимся, как там наша замечательная героиня?

Наталья Петровна всхлипнула.

– Ох, Дашенька, простите, я держалась из последних сил, но, похоже, они исчерпались. У нас горе!

– Вера! – испугалась я. – Что с ней?

Свекровь Орловой заплакала.

– Невестка снова в коме.

– Не может быть! – закричала я. – Вчера Вера выглядела здоровой, разговаривала, смеялась, была полна планов! Не верю!

Старушка издала протяжный стон.

– Кома – малоизученное явление. В первый раз Вера погрузилась в нее тоже на безоблачном фоне. Прилетела из командировки, стала в кабинете заниматься делами и уснула на пять лет.

– Но Костя пару часов назад говорил о простуде, – не утихала я, – сообщил мне о легком недомогании жены.

Наталья Петровна взяла себя в руки.

– Извините, милая, не могу ничего объяснить. Вчера вечером мы с Аленой, приехав со съемок, сразу легли спать, даже не поужинали, так устали. Вера же задержалась в студии, затем отправилась по делам. Не хочу показаться равнодушным человеком, которому наплевать на невестку, но я никогда не лезу в бизнес Верочки, не делаю ей замечаний типа: «Почему ты разъезжаешь по ночам, бросаешь моего сына одного дома?» Я отлично понимаю: Вера нас содержит, мы захребетники, поэтому никаких претензий не высказываю, наоборот, говорю исключительно слова одобрения и восхищения. Вы считаете меня конформисткой?

– Конечно, нет, – ответила я, – вы умная, тактичная женщина, хотите счастья сыну.

– Утром мы с дочерью очень рано уехали в медцентр, – продолжала мать Константина. – Я проходила плановое обследование, анализы сдавала, поэтому не завтракала и захотела к полудню есть. Мы с Аленой зашли в кафе, планировали спокойно посидеть и ехать на съемку, как раз по времени получалось. Веру должны были с десяти до двух снимать без нас, потом обеденный перерыв, а с пятнадцати общая съемка, мы все хорошо с дочкой рассчитали, не любим опаздывать. Пьем кофе, и тут звонит Костя с ужасным сообщением. Вера проснулась совершенно разбитой, жаловалась на головную боль, сын решил, что у нее простуда, отменил съемку, напоил супругу чаем с малиновым вареньем, укутал одеялом и успокоился: Верочка мирно заснула. Через полчаса сын пошел ее проведать и увидел: жена в коме. Понимаете, он знает, что это такое, пять лет провел у кровати больной.

– С ума сойти! – воскликнула я. – В какую больницу поместили Веру?

– Не успела спросить, – прошептала старуха.

– Наверное, туда, где она находилась раньше, – предположила я.

– Понятия не имею, – простонала пенсионерка, – но сомневаюсь. Лечащий врач Веры Эдуард Михайлович уехал по контракту за границу, остальной медперсонал в том центре неприятный. Я понимаю, что вам необходимо снять программу, но сейчас это потеряло смысл: Вера опять в коме, ее пример никого не может вдохновить!

В ухо полетели короткие гудки, я соединилась с Сергеем Морозовым.

– Жесть! – заорал продюсер, услышав новость. – Великий и ужасный взбесится! Он сам утвердил график съемок! Надерет мне задницу! Уроет на хрен! Выгонит вон!

Ксюша, которой я позвонила чуть позже, отреагировала иначе.

– Беда! – воскликнула она. – Несчастная Вера! Почему судьба к ней так жестока?

– Не знаю, – вздохнула я, – а еще говорят про снаряд, который в одну воронку дважды не попадает. Невероятно жаль Орлову. До слез.

– Чем ей помочь? – шмыгнула носом Ксю.

– А можно? – эхом отозвалась я.

– Букет надо послать, коробку конфет, – оживилась Ксюша, – пусть знает, что мы от души желаем ей поскорей выздороветь.

– И мягкую игрушку, – раздался голос Таты, – Мишку плюшевого, его приятно тискать!

– Девочки, – сказала я, – человек в бессознательном состоянии не способен наслаждаться вкусом шоколада, он не может гладить игрушку. Сильно сомневаюсь, что такой больной воспринимает запахи.

– Ты не права, – заспорила Ксюша, – вспомни, как Вера говорила в студии: «Никогда не покидайте тех, кто вроде лежит без рефлексов, не считайте их овощами! Я слышала абсолютно все, понимала смысл слов, но не имела возможности ни ответить, ни пошевелиться».

В ту же секунду трубку у сестры выхватила Тата.

– Пожалуйста, Дашенька, сделай одолжение, мы не можем уйти из монтажной, купи за наш счет розы, самые красивые, коробку шоколада и отвези Вере. Пусть она ощутит аромат цветов, конфет, скажи ей: «Верочка, ждем вас, вы непременно поправитесь, мы снимем чудесную программу, вы, как и хотели, поможете многим больным!» Мы обязаны поддержать Веру. Господи, как же все ужасно!

Я подавила тяжелый вздох. Вчера вечером в кафе телецентра Орлова мне призналась, что пять лет пролетели для нее словно миг. Она не понимала, сколько времени провела в забытьи, выпала из жизни. Во время записи Верочка соврала из благих побуждений. С одной стороны, хотела сделать приятное родным. А с другой… Люди, которые справились с тяжелой болезнью, как правило, делятся на две части: одни не хотят даже думать о перенесенном недуге, накладывают вето на любые разговоры о нем, другие, наоборот, при каждом удобном случае восклицают: «Люди, я выздоровел, и вам удастся выкарабкаться, посмотрите на меня: две руки, две ноги, одна голова. Чем я от вас отличаюсь? У Бога вип-клиентов нет! Если я справился, то и вы сможете. Никогда не отчаивайтесь».

Вера принадлежит ко второй группе, поэтому и соврала про свои ощущения. Орлова хочет, чтобы родственники не отключали аппаратуру, дали шанс человеку выйти из комы, верили в его благополучное выздоровление.

Но не стоит говорить об этом Ксюше и Тате. Сестры эмоциональны, они всегда сопереживают чужой беде. Даже работа на телевидении не сделала их циничными и жестокими.

Я еще раз вздохнула.

– Конечно, я доставлю розы и конфеты. Вот только доберусь до Кости, чтобы узнать, куда он поместил жену. Насчет денег не волнуйтесь.

– Поделим расходы на троих, – предложила Тата, – всем хочется поучаствовать.

– Идет, – согласилась я, – продиктуй адрес Орловой. Думаю, Костя не станет беседовать по телефону, съезжу к нему.

Несмотря на февраль, на лавочке у подъезда, где жила семья Орловых, сидела замотанная в шарфы и шали тетушка с детской коляской. Я вышла из машины, осмотрела парковку, поняла, что шикарного «коня» Константина нет, и заколебалась. Вероятно, он держит дорогое авто в гараже или еще не вернулся из больницы? Стоит ли мне подниматься наверх? Очень не хочется беспокоить лишний раз Наталью Петровну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.